РАЗБОРЪ КНИГИ

«КАЛѢКИ ПЕРЕХОЖІЕ»,

СБОРНИКЪ СТИХОВЪ И ИЗСЛѢДОВАНІЕ П. БЕЗСОНОВА,

составленный Тихонравовымъ.

Въ настоящее время исторія литературы начинаетъ и у насъ сосредоточивать свое вниманіе на изученіи народной словесности во всемъ ея объемѣ. «Шляхетные» писатели XVIII вѣка съ высокомѣріемъ смотрѣли на произведенія «подлой», т. е. народной поэзіи, боялись ссылаться на нихъ, и свой антиисторическій ригоризмъ передали въ наслѣдство ученымъ начала текущаго столѣтія. Даже Калайдовичъ, которому такъ много обязано изученіе русской старины и народности, не рѣшался внести въ изданіе «Древнихъ россійскихъ стихотвореній» стихъ о Голубиной книгѣ, «неприличный по смѣшенію *духовныхъ* вещей съ *простонароднымъ* разсказомъ» (стр. XXIX). Произведенія народной словесности издавались большею частію не въ ихъ исторически-сложившейся и мѣстностью обусловленной формѣ, но съ подправками въ слогѣ, подновленіями, вставками и пропусками. Лишь въ послѣднее время жизнь и наука стали вводить у насъ народность въ ея законныя права. Теперь къ произведеніямъ народнаго слова начинаютъ у насъ относиться, какъ къ богатому матеріалу для изученія прошедшаго и настоящаго русскаго народа, безъ страха оскорбить принятыя «приличія» уясненіемъ его истинныхъ міровоззрѣній или потревожить религіозное чувство образованнаго читателя стиховъ «смѣшеніемъ духовныхъ вещей съ простонародными». Въ интересахъ серіознаго из-

ученія русской народности, потребность котораго такъ живо чувствуется всѣми въ настоящее время, надобно желать, чтобы безыскусственныя изліянія народныхъ вѣрованій и мысли находили себѣ возможно широкій доступъ въ печать и подвергались возможно-спокойному и безпристрастному изслѣдованію со стороны ученыхъ.

Г. Безсоновъ уже давно извѣстенъ въ русскомъ ученомъ мірѣ, какъ трудолюбивый издатель сборниковъ русскихъ пѣсенъ П. В. Кирѣевскаго и П. Н. Рыбникова. Предпринятое имъ, въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, изданіе духовныхъ русскихъ стиховъ составляетъ новую заслугу его наукѣ русской народности. Изданіе это не кончено, и, принимая на себя обязанность критической его оцѣнки, чувствуешь затруднительность задачи произносить сужденіе о трудѣ, къ которому не присоединено еще многаго и прежде всего — обѣщаннаго издателемъ изслѣдованія о русскихъ стихахъ. Г. Безсоновъ не лишилъ впрочемъ критику возможности познакомиться, хотя въ общихъ чертахъ, съ его взглядомъ на значеніе и на историческое развитіе русскихъ духовныхъ стиховъ, предпославъ четвертому выпуску свого сборника «Нѣсколько объяснительныхъ замѣчаній» и снабдивши, по мѣстамъ, текстъ стиховъ своими объясненіями и толкованіями. Послѣднія представляютъ примѣненіе къ отдѣльнымъ явленіямъ общаго взгляда г. Безсонова на русскіе стихи, — взгляда, которымъ обусловился составъ сборника.

Очеркъ развитія духовныхъ стиховъ у Славянъ восточныхъ и западныхъ, сравнительно съ легендарною поэзіею католической Европы, имѣетъ въ виду указать, «что всѣ чисто-народные стихи болгарскіе, сербскіе, русскіе — православные, всѣ принадлежатъ греко-славянскому или греко-русскому исповѣданію». «Если превосходство ихъ творчества (говоритъ г. Безсоновъ) такъ неразрывно связано съ православіемъ, то мы можемъ заключить, что православіе же составляетъ главную причину ихъ превосходства: довольно того явленія, что стихи, во всей чистотѣ своего творчества и во всей красотѣ его, сохранились лишь у православныхъ» (Вып. IV, стр. VI). Примѣняя это основное положеніе свое къ религіозной поэзіи нѣмцевъ и племенъ славянскихъ, г. Безсоновъ естественно долженъ былъ придти къ заключенію, что у нѣмцевъ и у неправославныхъ славянъ стиховъ нѣтъ, что у нихъ религіозная поэзія не развивалась въ такой полнотѣ и съ такою свободою, какъ у славянъ православныхъ. Между германскими племенами религіозная поэзія могла еще процвѣтать на первое время, «когда невольно достигало

ихъ и сопровождало на новыя мѣста жительства вліяніе христіанства въ формѣ греческой: *первыя* христіанскія поэмы, былины духовныя, стихи во всѣхъ *чисто-народныхъ* и *истинно-творческихъ* чертахъ своихъ проникнуты вліяніемъ вѣроисповѣданія *греческаго*» (Вып. IV, стр. IV). Впослѣдствіи, съ исчезновеніемъ вліянія греческаго православія на германскія племена должны были потеряться въ ихъ религіозной поэзіи всѣ чисто-народныя и творческія черты, т. е. совершенно исчезли *стихи*. Къ сожалѣнію, г. Безсоновъ не назвалъ тѣхъ первыхъ христіанскихъ поэмъ и стиховъ нѣмецкихъ, въ которыхъ всѣ истинно-народныя и творческія черты опредѣлялись греческимъ вѣроисповѣданіемъ, хотя и любопытно было бы получить ясное понятіе объ этой кратковременной эпохѣ процвѣтанія нѣмецкихъ стиховъ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ г. Безсонова «у другихъ народовъ Европы (кромѣ православныхъ славянъ) стиховъ въ томъ видѣ, какъ у насъ, даже *почти* не было и *быть не могло*» (В. IV, с. VII). На западѣ, по словамъ г. Безсонова, народное творчество встрѣчало только препятствія къ своему развитію, преслѣдовалось, должно было скрываться; у славянъ восточныхъ, особенно русскихъ «многовѣковая жизнь народнаго творчества была свободна въ лонѣ народа православнаго, не знающаго въ христіанствѣ препятствій, знающаго въ христіанствѣ лишь питаніе постепенному развитію» (Вып. IV, стр. VII). Народное творчество, крѣпко привязанное къ языческой старинѣ народа, конечно не могло встрѣчать особеннаго сочувствія въ духовенствѣ ни на католическомъ западѣ, ни на православномъ востокѣ. Древняя русская литература, также какъ и византійская, богата поученіями, въ которыхъ народныя пѣсни, вмѣстѣ съ игрою на музыкальныхъ инструментахъ, осуждаются, какъ «дѣло бѣсовское». Нѣтъ сомнѣнія, что католичество, сковавшее слова священнаго писанія языкомъ латинскимъ, стѣснило свободу народнаго творчества въ сферѣ религіозной; но подавить его совершенно не могло. Стихи на католическомъ западѣ слагались точно также, какъ и у насъ, каликами—перехожими. «Въ 1065 году (разсказываетъ жизнеописаніе блаженнаго Альтманна), когда многіе ждали втораго пришествія и потому отправлялись въ Іерусалимъ, ко гробу Господню, было много знатныхъ людей, которые оставляли жену, дѣтей и всѣ блага міра, чтобы идти во слѣдъ Христу. Таковъ былъ епископъ бамбергскій Гюнтеръ. Съ нимъ отправилось въ путь много духовныхъ и мірянъ; между ними былъ и Эццо Схоластикъ, человѣкъ, одаренный всякою мудростію и краснорѣчіемъ; онъ во время пути сочи-

нилъ *на народномъ языкѣ* превосходную пѣснь о чудесахъ Христа» [1]). «Гергогъ († 1169) замѣчаетъ, что *вся земля* возноситъ хвалу Христу въ пѣсняхъ *на народномъ языкѣ* (per cantilenas linguae vulgaris), преимущественно у нѣмцевъ, языкъ которыхъ особенно способенъ къ пѣснямъ» [2]). Въ великую эпоху крестовыхъ походовъ, когда народы западной Европы какъ бы превратились на время въ каликъ-перехожихъ, могло ли религіозное возбужденіе, ихъ охватившее, не сказаться стихами на народномъ языкѣ? Любимыми темами *народной* поэзіи въ западной Европѣ были въ это время событія Ветхаго и Новаго Завѣта, страшный судъ, легенды о святыхъ [3]).

По словамъ г. Безсонова, «съ XI или лучше съ XIII вѣка начинается собственно развитіе (на западѣ) стиховъ, на первый взглядъ нѣсколько похожихъ на наши.... Реформація и здѣсь оживила собою дѣло: кто не знаетъ ея религіозныхъ пѣснопѣній, отъ суровой простоты выраженнаго здѣсь чувства до тончайшихъ созерцаній въ стихѣ иллюминатовъ и мистиковъ?» (Вып. IV, стр. X). Но XIII вѣкъ, время гоненія на послѣдователей ереси Вальда и Альбигойцевъ, время умственнаго упадка западнаго духовенства желавшаго поддержать мечемъ свой колебавшійся авторитетъ, — этотъ безпокойный вѣкъ не былъ такъ благопріятенъ развитію стиховъ, какъ XII или XIV. Усиленіе городскаго сословія и вмѣстѣ съ тѣмъ начинавшееся преобладаніе свѣтскаго образованія надъ церковнымъ отвлекло поэзію отъ предметовъ религіозной сферы къ мірскимъ, къ обыденной жизни. Съ другой стороны, не одна реформація «съ стихами своихъ мистиковъ оживила собою дѣло религіозной поэзіи», какъ утверждаетъ г. Безсоновъ, проходящій молчаніемъ XIV вѣкъ. Не реформація создала стихи мистиковъ, а напротивъ мистики подготовили реформацію. XIV-й вѣкъ, видѣвшій въ Германіи суровые стихи хлыстовъ (Geissler), народную проповѣдь «братьевъ свободнаго духа» и «божьихъ друзей» о таинственномъ сліяніи человѣка съ Богомъ въ единую любовь, — XIV вѣкъ былъ временемъ процвѣтанія въ Германіи духовныхъ стиховъ и среди сектантовъ-мистиковъ и среди народа. «Не хочу, — говоритъ Hermann von Fritzlar (1343 — 49), передавать чудеса святителя Николая: ими расписаны стѣны, и *слѣпые поютъ о нихъ*

---

[1]) Hoffmann von Fallersleben, Geschichte des deutschen Kirchenliedes, I, 27.
[2]) Ibid. p. 41.
[3]) Ibid. p. 23.

на улицахъ» [4]). Это свидѣтельство кромѣ того удостовѣряетъ, вмѣстѣ со многими другими [5]), что и на западѣ (въ XIV вѣкѣ) личность пѣвца духовныхъ стиховъ являлась «съ тѣми же гомерическими чертами», съ какими существовала и существуетъ у насъ, вопреки мнѣнію г. Безсонова, что «слѣпцы, посвятившіе свой голосъ передачѣ народнаго вдохновенія, на западѣ Европы укрывались съ своимъ народнымъ сокровищемъ дольше другихъ странъ *лишь* въ дикихъ скалахъ, пристанищѣ Скальдовъ, или за горами и упорнымъ своеобразіемъ Испаніи»; что «въ другихъ странахъ они скоро перешли въ искателей приключеній, на половину пѣвцовъ народныхъ, а еще больше присочинявшихъ отъ себя» (Вып. IV, стр. VII). Потому въ томъ обстоятельствѣ, что пѣвцы стиховъ у лужичанъ называются слѣпцами, г. Безсоновъ несправедливо видитъ «явное указаніе, что это остатокъ древнихъ слѣпыхъ калѣкъ-перехожихъ, уцѣлѣвшихъ у Славянъ православныхъ во всей яркости историческаго значенія, уцѣлѣвшихъ и въ Лужицахъ, не смотря на вѣка папизма и потомъ протестантства» (тамъ же, стр. XIII). Слѣпцы и на католическомъ западѣ были носителями народныхъ стиховъ и героическихъ сказаній.

Въ XIV-мъ же вѣкѣ духовные стихи распространялись даже по самымъ сѣвернымъ предѣламъ Германіи, которые такъ долго относились враждебнымъ образомъ къ христіанству [6]). Мистическія пѣсни о таинственномъ общеніи съ Богомъ широко разносились въ то же время по нѣмецкимъ монастырямъ.

Отвергнувши возможность стиховъ и слѣпыхъ носителей ихъ между народами неправославными, г. Безсоновъ объясняетъ существованіе стиховъ и слѣпцовъ у славянъ неправославныхъ остаткомъ далекой православной эпохи. «У верхнихъ и нижнихъ лужичанъ (говоритъ онъ) мы встрѣчаемъ остатки древнихъ славянскихъ стиховъ: но вглядитесь, и вы видите, что это отрывки именно тѣхъ стиховъ, которые въ полнотѣ извѣстны у славянства православнаго. Еслибы кто усомнился въ ихъ происхожденіи, то *довольно услышать* ихъ лужицкое имя: *Кырлюсе*, т. е. извѣстный намъ «Киріе елеисонъ», греческое имя, *обратившееся въ названіе стиховъ православнаго происхожденія*» (Вып. IV, стр. XIII). Названіе *Кырлюсе* не можетъ служить доказательствомъ православнаго происхожденія

[4]) W. Grimm, Deutsche Heldensage, s. 173.

[5]) См. статью Лахманна Ueber singen und sagen въ Abhandlungen der Akademie d. Wissenschaften zu Berlin, 1835.

[6]) Hoffmann v. Fallersleben, Gesch. d. d. Kirchenliedes I, 77.

лужицкихъ стиховъ. Выраженіе Kyrie eleison, сначала употреблявшееся въ видѣ отдѣльнаго молитвеннаго призыванія, сдѣлалось въ Германіи зерномъ духовной народной пѣсни, и средневѣковые нѣмецкіе стихи назывались kirleise, kirleis или просто leis [7]), изъ чего, однако, историческіе факты не позволяютъ выводить заключеніе, что обширная масса нѣмецкихъ kirleis'овъ составляетъ остатокъ православныхъ стиховъ. Самое молитвенное обращеніе «Kyrie eleison» въ народной поэзіи западныхъ Славянъ и Нѣмцевъ, гораздо распространеннѣе, чѣмъ на православномъ славянскомъ востокѣ. Справедливо, что «это даръ Греціи» (Вып. IV, стр. X); но римскіе миссіонеры, распространившіе его между нѣмцами и западными славянами, желали вытѣснить этимъ простымъ молитвеннымъ обращеніемъ языческія пѣсни тѣхъ племенъ. Лишь впослѣдствіи «Kyrie eleison» разрослось въ полный народный стихъ. Дитмаръ разсказываетъ, что Бозонъ, епископъ Мерзебургскій († 970), дѣятельно распространялъ христіанство между язычниками своей епископіи и убѣждалъ ихъ пѣть Kyrie eleison; но «упрямые славяне», въ шутку надъ Бозономъ, исковеркали это выраженіе, говоря, что онъ учитъ ихъ пѣть U kri volsa [8]). Такимъ образомъ въ Kyrie eleison западно-славянскихъ стиховъ нужно видѣть не остатокъ православныхъ славянскихъ стиховъ, уничтожившихся подъ вліяніемъ нѣмцевъ и католицизма, а первую простую молитву, которую римскій миссіонеръ старался затвердить «упрямому» западному славянину. Но г. Безсоновъ видитъ существенную разницу между духовными стихами русскими и западными [9]). «Послѣдніе только *на первый взглядъ* похожи на наши: лишь начинаете читать,

---

[7]) Ibid, s. 45, 47.

[8]) Hic, ut sibi commissos eo facilius instrueret, sclavonica scripserat verba, et eos *Kyrie eleison* cantare rogavit, *exponens eis ejus utilitatem.* Qui *vecordes* hoc in malum irrisorie mutabant *Ukrivolsa* (al. kriolosso), quod nostra lingua dicitur: aeleri stat in frutectis, dicentes: «Sic locutus est Boso», quum ille aliter dixerit. Pertz, Mon. v. scr. III, 755.

[9]) Въ доказательство своей мысли о православной основѣ лужицкихъ стиховъ г. Безсоновъ приводитъ и то обстоятельство, что въ лужицкихъ стихахъ «содержатся такіе отрывки, какъ напр объ Егоріи Храбромъ, которые въ полнотѣ уцѣлѣли лишь въ стихахъ православныхъ» (Вып. IV, стр. XIII). Но подвиги Георгія составляютъ любимую тему народной поэзіи на всемъ католическомъ западѣ. Сравнивая лужицкій стихъ о Егоріи съ западно-католическими и великорусскими, нельзя не замѣтить, что онъ гораздо ближе къ западнымъ, нежели къ великорусскимъ, большею частію сложившимся, какъ увидимъ, подъ сильнымъ опредѣленіемъ греческихъ сказаній о Егорѣ *мученикѣ*.

вы видите тотчасъ, что это—творчество не народное: то латинскіе припѣвы, то латинскія слова и цѣлыя выраженія; большею частію—*переводъ* прямо со стиховъ латинскихъ или же *подражаніе имъ; выдержки изъ легендъ*, писанныхъ также полатыни и только переведенныхъ; легенды цѣльныя—въ родѣ нашихъ былевыхъ стиховъ старшихъ — *переводныя, съ книжной* римской редакціи.... во всѣхъ складъ искусственный, подъ явною обдѣлкой сочинителя; риѳма; напѣвы опредѣленные, близко тождественные съ храмовыми, съ клерикальною музыкою; однимъ словомъ то, что мы у себя называемъ уже стихами младшими» (с. X). И такъ въ западныхъ духовныхъ стихахъ преобладаетъ, по мнѣнію г. Безсонова, искусственность, вліяніе книжное; стихи русскіе (старшіе) представляютъ «полноту цѣльнаго творчества, заслуживающую имя грекославянской, въ частности греко-русской» (стр. V). Богатство и полноту велико-русскаго религіознаго творчества представляютъ собою стихи, называемые издателемъ *старшими.* Къ нимъ относятся слѣдующія слова г. Безсонова: «стихи наши, во всемъ объемѣ ихъ среди православія, суть величайшее сокровище нашего творчества народнаго, наша истинная и праведная народная гордость: въ такой чистотѣ и полнотѣ ихъ не имѣютъ уже другіе народы Европы» (стр. IV). Приравнивая западные стихи къ нашимъ младшимъ, «произведеніямъ не народнаго творчества, а слагателей, *возвышавшихся надъ массою образованіемъ*», г. Безсоновъ полагаетъ, что «на Великой Руси стихи *исключительно* принадлежатъ творчеству народному» (стр. XXVII); «*нѣтъ ни малѣйшаго слѣда*, чтобы наше духовенство.... сочиняло ихъ или имъ особенно *покровительствовало*».

Такимъ образомъ опредѣлить характеристическія особенности «старшихъ» великорусскихъ стиховъ значитъ рѣшить существенный вопросъ въ исторіи религіозной поэзіи русскаго народа и рѣзкими чертами отдѣлить послѣднюю отъ стиховъ католическаго запада. Г. Безсоновъ такъ отличаетъ «старшіе» стихи отъ «младшихъ»: «Стихи былевые младшіе различаются отъ старшихъ и *по происхожденію*, ибо большею частію изъ книгъ и съ письма переходятъ въ уста народу, тогда какъ старшіе на оборотъ; и *по употребленію*, ибо являются чаще въ книгахъ и рукописяхъ, чѣмъ въ устахъ народа, а у народа чаще въ семьѣ и при бесѣдахъ, чѣмъ у калѣкъ-перехожихъ; и *по исторіи*, ибо моложе своимъ появленіемъ, *обязаны всего болѣе* XVII вѣку, юго-западу Руси, тамошнимъ школамъ и ихъ вліянію, тогда какъ старшіе большею частію сложились

и сохранились у Великой Руси или, лучше, просто у Руси, *до обособленія Малой и Бѣлой*, притомъ *со временъ отдаленнѣйшихъ*» (Вып. III, стр. 721; ср. IV, 25).

Разсмотримъ же «старшіе» стихи относительно *происхожденія*, *употребленія* и *исторіи*, придерживаясь въ своемъ изложеніи того порядка, который далъ своему сборнику г. Безсоновъ, начавшій его былинами и стихами о томъ, *что объ себѣ поютъ калѣки перехожіе.*

I. «*По употребленію* старшіе стихи являются чаще у калѣкъ-перехожихъ».

Въ XII и послѣдующихъ вѣкахъ особенно распространена была на Руси страсть къ посѣщенію святыхъ мѣстъ. Само духовенство считало нужнымъ останавливать въ инокахъ и мірскихъ людяхъ стремленіе къ Іерусалиму [10]). Толпы благочестивыхъ паломниковъ отправлялись туда, чтобы, по словамъ былины:

Святой святынѣ помолитися,
Господню гробу приложитися,
Во Ердань рѣкѣ искупатися [11]).

Подвижниковъ, совершившихъ длинный и трудный путь, встрѣчало на родинѣ не одно любопытство, но и искреннее уваженіе русскихъ людей. По церковному уставу св. Владиміра, «странники» принадлежали къ числу «людей церковныхъ». Они становились какъ бы на ряду съ духовенствомъ. На нихъ смотрѣли какъ на людей избранныхъ, угодившихъ Богу. Народная былина разсказываетъ, какъ атаманъ калѣкъ перехожихъ, отправлявшихся въ Іерусалимъ, Касьянъ Михайловичъ исцѣлилъ жену Владиміра —

А и дунулъ духомъ *святымъ* своимъ
На младу княгиню Апраксѣевну.....
Оградилъ ее *святой* рукой [12])!

Если въ толпѣ калѣкъ перехожихъ и бывали иногда люди, которые присоединялись къ ней, «абы порозну ходяче ѣсть и пить»; если, по словамъ былины, «на всѣхъ тѣхъ дородныхъ молодцовъ» каличій кругъ долженъ былъ, подъ страхомъ строгаго наказанія, налагать обѣтъ воздержанія и цѣломудрія; то общій тонъ каличьему обществу давался людьми искренней вѣры и благочестія. Между

[10]) Памятн. русск. словесн. XII в , стр. 176. 203. Ср. слова Даніила въ началѣ его Странника.

[11]) Древн. росс. стихотв. 227, 236.

[12]) Тамъ же, 239, Калѣки-перехожіе I, 11.

калѣкамип ерехожими всегда были лица духовныя. Данiилъ Паломникъ ходилъ въ Iерусалимъ «съ дружиною», и были въ той дружинѣ «Новгородци и Кіяне», люди мірскіе Седеславъ Иванковичъ, Городиславъ Михайловичъ и «иные многіе» [13]). Калѣки группировались около церквей, пустынь, монастырей. Народныя былины сохранили воспоминаніе объ этой связи калѣкъ съ средоточіемъ книжнаго просвѣщенія древней Россіи: къ нимъ стекались калѣки изъ окрестныхъ мѣстъ, около нихъ объединялись однимъ общимъ обѣтомъ всѣ калѣки, сбиравшіеся въ Святую Землю:

А *изъ пустыни* было Ефимьевы,
Изъ монастыря изъ Боголюбова,
Начинали калики наряжатися
Ко святому граду Ерусалиму [14]).

Исполнивши благочестивый обѣтъ, поклонившись святынямъ Iерусалимскимъ, калѣки собираются на родину и идутъ въ путь

До *своего* монастыря Боголюбова
И до пустыни Ефимьевы (I, 20).

Такъ, въ кружкѣ калѣкъ перехожихъ, соединялись представители народа съ грамотными людьми древней Россіи, съ духовенствомъ

И думали они думушку единую (I, 7).

Эти книжные люди были «вожами и языками» кружка калѣкъ, которые естественно должны были стоять подъ вліяніемъ «*своего*» монастыря, *своей* пустыни. Въ сказаніяхъ и стихахъ калѣкъ перехожихъ, съ X вѣка стоявшихъ въ числѣ церковныхъ людей, тяготѣвшихъ къ монастырямъ и пустынямъ, не могло не выразиться литературное вліяніе послѣднихъ. Чрезъ духовный стихъ, «старшій» или «младшій» все равно, *книжная* легенда дѣлалась достояніемъ *устной поэзіи* народа. Стихъ создавался подъ вліяніемъ людей грамотныхъ, выдававшихся изъ народной массы начитанностію въ «святыхъ» книгахъ. Духовный стихъ — не былина; въ немъ не выливаются съ *полной* свободой миѳическія преданія на-

---

[13]) Путешествія русскихъ людей въ чужія земли. Спб. 1837, I, 86.

[14]) Калѣки I, 7. По другому варіанту той же былины:

Изъ Волынца города изъ Галича,
Изъ той же Корелы изъ богатыя,
Во ту ли *во пустыню* во Данилову
Собиралося, собрунялося
Сорокъ каликъ со каликою (I, 21).

рода, его *собственныя* «старина и дѣянье». Питаясь силами національной поэзіи и національнаго преданія, онъ поднятъ надъ народной безыскуственной поэзіей уже по самой святости своего содержанія, онъ стѣсненъ и сдержанъ книгой, какъ и сказаніе паломника. Въ мѣстахъ земной жизни Христа паломниковъ охватывала длинная цѣпь мѣстныхъ христіанскихъ преданій, и это великое цѣлое восточно-христіанскаго эпоса, выразившееся въ апокрифическихъ евангеліяхъ, служило для нихъ лучшимъ комментаріемъ къ тому, что они видѣли въ Палестинѣ. Монументальные памятники прошедшаго остаются безмолвными камнями, если ихъ не объяснитъ живое слово. «Не возможно безъ *вожа* добрѣ ходити и безъ *языка* добрѣ испытати и видѣти всѣхъ святыхъ мѣстъ» (говоритъ Даніилъ Паломникъ). Русскій игуменъ нашелъ въ одной лаврѣ «мужа *свята* и стара деньми и *книжна вельми*». Онъ разсказалъ ему все «*отъ святыхъ* книгъ». Этими «святыми» книгами для Даніилова «вожа» были апокрифическія евангелія, преимущественно первоевангеліе Іакова. Изъ него почерпнуты почти всѣ легенды, внесенныя въ «Странникъ» Даніила и позднѣйшихъ паломниковъ русскихъ іеродіакона Зосимы, Іоны и Трифона Коробейникова [15]). Въ стихахъ калѣкъ перехожихъ повторяются тѣ же легенды апокрифическихъ евангелій, слышанныя ими въ Іерусалимѣ или узнанныя на родинѣ отъ грамотныхъ «*языковъ*» (евангелія эти извѣстны были въ славянскихъ переводахъ). Обративши вниманіе на эти *книжные* источники стиховъ, г. Безсоновъ могъ бы избѣгнуть произвольныхъ объясненій и толкованій. Напримѣръ слова болгарскаго стиха о рождествѣ Христовѣ:

Никой ми се покрай нея згоди
Згодила се *Аламанка дѣвойка*,

г. Безсоновъ переводитъ:

Никто-то при ней не пригодился,
Пригодилася *дѣвушка-чужестранка* [16]).

Многія апокрифическія евангелія передаютъ, что Іосифъ привелъ къ Богоматери, во время рождества Христа, Зелеми и Саломею, μαῖαι, и она присутствовала при разрѣшеніи Маріи [17]). Аламанка есть конечно испорченное Саломе. Въ Тверской губерніи, до

[15]) Сказан. рус. народа II, 11, 28, 22, 26 и Tischendorf, Evang. apocr. p. 31 42. Ск. р. нар. II, 66, 168, 145, 31. Tisch. p 21.

[16]) Калѣки IV, 43.

[17]) Tischendorf, Evangelia apocrypha, p. 36, 119.

сихъ поръ, повивальныя бабки, приступая къ исполненію своего дѣла, призываютъ на помощь «бабушку Соломониду» [18]).

Такимъ образомъ и народныя воспоминанія въ былинахъ, и свидѣтельства историческихъ памятниковъ, и собственные пересказы древнихъ русскихъ паломниковъ указываютъ на связь калѣкъ перехожихъ, разносившихъ духовные стихи по русской землѣ, съ монастырями русскими, съ людьми книжными, вліяніе которыхъ конечно не могли избѣгнуть и самые стихи. Но г. Безсоновъ замѣчаетъ, что стихъ «сложенъ *цѣлымъ народомъ*, подъ наитіемъ религіознаго творчества, творчества вѣры.... стихи не принадлежатъ одному человѣку, слагателю или пѣвцу: *пѣвцы лишь разносятъ ихъ*, сложить ихъ одинъ человѣкъ не можетъ, сложены и живутъ они въ цѣломъ народѣ, какъ плодъ высшаго наитія, и это наитіе принадлежитъ не одному человѣчеству, — стихи, по народнымъ воззрѣніямъ, бываютъ «ангельскіе», «херувимскіе», «серафимскіе», то есть ихъ влагаетъ народъ въ уста Силамъ Высшимъ» (IV, стр. XXVI). Это замѣчаніе г. Безсонова приводитъ насъ къ вопросу о происхожденіи «старшихъ» стиховъ.

II. «По происхожденію младшіе стихи большею частію изъ книгъ и съ письма переходятъ въ уста народу, тогда какъ *старшіе на оборотъ*». Г. Безсоновъ здѣсь отчасти отказывается отъ своего мнѣнія, что «стихъ сложенъ цѣлымъ народомъ, что одинъ человѣкъ сложить ихъ не можетъ»; стихи «младшіе», по признанію г. Безсонова, изъ *книги* переходятъ въ уста народу. Прибавимъ, что именно эти младшіе стихи и называются у насъ большею частію «ангельскими, серафимскими и херувимскими», а не стихи «старшіе былевые и міровые». Но оставляя въ сторонѣ эти противорѣчія издателя своему взгляду на происхожденіе стиховъ, обратимся къ разбору старшихъ стиховъ, чтобы видѣть, въ какой степени независимо въ нихъ отъ вліянія книжности «греко-русское творчество».

Коренную основу стиха о Голубиной книгѣ составляютъ древнѣйшія космогоническія сказанія, общія великорусскому племени съ другими индо-европейскими народами. Въ стихѣ этомъ доносится къ намъ отрывокъ изъ цѣльнаго сказанія о нàбольшемъ царѣ Волотѣ Волотовичѣ, — сказанія, остальныя подробности котораго передаются въ народныхъ былинахъ и уже подвергшихся книжной обработкѣ повѣстяхъ. Самое имя *Волота* отодвигаетъ его къ семьѣ

[18]) Этнографическій сборникъ I. 183.

миѳическихъ великановъ, въ которыхъ народному сознанію представлялись грубыя силы природы. «Тогда бо быша чюдове на земли, рекше волотове», говоритъ хронографъ [19]). Въ стихѣ о Голубиной книгѣ передано предсказаніе, что на дочери этого Волота-исполина, женится царь Соломонъ. Народныя былины и повѣсти передаютъ судьбу этого брака, соединившаго узами родства племя исполиновъ съ новымъ, болѣе мягкимъ и свѣтлымъ началомъ, которое носитъ уже въ сказаніяхъ христіанское имя Соломона. Дочь Волота, Соломонида, добровольно бѣжитъ отъ своего мужа «къ царю, за котораго она желала прежде за мужъ, бывши дѣвицею» [20]). Этотъ царь [21]) «пытаетъ себѣ царицы и мѣсто ей уготовано *на вѣтреномъ обходѣ* царствовати и звѣзды на небѣ считати и *мѣсяцъ переводити въ нашемъ царствѣ*». Дочь *Волота* принадлежитъ къ ряду тѣхъ миѳическихъ волковъ, которые, по народнымъ представленіямъ, пожираютъ небесныя свѣтила: облакы гонештеи отъ селанъ влъкодлаци нарицаѫтьсѧ. ѥгда оубо погъбнеть лоуна или слъньце. глаголѫть. влъкодлаци лоунѫ изѣдоша или слъньце [22]). Съ представителемъ волкодлаковъ, царемъ Волотомъ, вступаетъ Соломонъ въ родственныя отношенія по преданіямъ многихъ европейскихъ народовъ. Нѣмецкая поэма о Соломонѣ и Морольфѣ [23]) разсказываетъ, что Соломонъ женился на Соломонидѣ (Salome), дочери язычника Кипріана, жившаго въ Индіи. Бракъ совершился противъ воли Кипріана, который содѣйствуетъ царю Фараону въ похищеніи Соломониды. Съ Фараономъ и Принціаномъ вступаетъ въ борьбу братъ Соломона Марольфъ. Въ Германіи впрочемъ сказанія о Соломонѣ смѣшались съ сагою объ Оренделѣ [24]), который женатъ на Бриде, дочери царя Давида. Бриде похищена у него королемъ Вольфратомъ (Волотоманомъ), который отдалъ ее дикому язычнику Принціану съ тѣмъ, чтобы тотъ заставилъ ее повиноваться Вольфрату. Орендень освобождаетъ Бриде тѣмъ же способомъ, какимъ Соломонъ одолѣваетъ своего врага по сказаніямъ русскимъ, нѣмецкимъ (Salomo und Morolf) и сербскому [25]).

---

[19]) Востокова, Словарь церковно слав языка I, 46.

[20]) Лѣтописи русской литературы, томъ IV, отд II, с. 143.

[21]) Онъ носитъ въ нашей литературѣ различныя имена: Китовраса, *Пора индѣйскаго*, Василья Окульевича.

[22]) Miklosich, Lexicon linguae palaeo-slovenicae, p. 17.

[23]) Hagen und Busching, Deutsche Gedichte des Mittelaltes, 1808, I Bd.

[24]) Orendel und Bride. Herausgeg von Ettmüller. Zurich. 1858.

[25]) Караџић, Српске народне приповиједке, № 42, стр. 196 слѣд.

Въ англосаксонской литературѣ существуетъ разговоръ Соломона съ Сатурномъ [26]), замѣняющимъ здѣсь русскаго Волота. Сатурнъ предлагаетъ своему собесѣднику тѣ же космогоническіе вопросы, какіе Волотъ задаетъ въ стихѣ о Голубиной книгѣ царю Давиду. Это замѣчательное согласіе европейскихъ сказаній объ отношеніяхъ Соломона къ какому-то дикому миѳическому существу свидѣтельствуетъ о томъ, что эти сказанія, отрывокъ изъ коихъ вошелъ въ стихъ о Голубиной книгѣ, составляютъ общую принадлежность индо-европейскаго эпоса.

Въ стихъ о Голубиной книгѣ эти сказанія входятъ небольшимъ эпизодомъ; нельзя не согласиться съ мнѣніемъ г. Безсонова, что въ стихѣ этомъ «*вся основа*—древнѣйшая языческая» (Вып. IV. стр. IV). Часть вопросовъ и отвѣтовъ, переданныхъ въ стихѣ, принадлежитъ также къ языческимъ и притомъ древнѣйшимъ представленіямъ; но эти языческія воззрѣнія нашли себѣ мѣсто во всей средневѣковой народной литературѣ запада Европы, и нѣтъ основанія утверждать, что «черты представленій и творческій складъ *этого стиха* близко тождественны съ древнѣйшими религіозными пѣснопѣніями грековъ» (Вып. IV, стр. IV). Г. Безсоновъ напрасно прибѣгнулъ къ сравненію нашего стиха съ такими далеко-неродственными ему «пѣснопѣніями», оставивши въ сторонѣ такія произведенія европейской словесности, коихъ родство съ содержаніемъ стиха о Голубиной книгѣ не подлежитъ сомнѣнію.

Но издатель Калѣкъ Перехожихъ замѣчаетъ, что стихъ этотъ «носитъ на себѣ слѣды всѣхъ сихъ постепенныхъ переходовъ, отъ отдаленной поры языческаго творчества, облекавшейся въ туманъ и таинственность, до торжества самыхъ свѣтлыхъ *православныхъ* образовъ» (Вып. IV, стр. V.). Въ чемъ же состоитъ христіанская, православная сторона этого стиха?

Народныя представленія о *Голубиной книгѣ*, развитыя въ разбираемомъ духовномъ стихѣ, сложились подъ непосредственнымъ вліяніемъ христіанскихъ преданій и отчасти книжнаго греческаго апокрифа «*Откровеніе Іоанну Богослову*» [27]). Въ этой статьѣ, издавна поставленной православною церковью русскою въ списокъ

---

[26]) Ebeling, Angelsächsisches Lesebuch, s. 40 figg.

[27]) Издано мною въ «Памятникахъ отреченной русской литературы» (II, 174 слѣд.) по двумъ различнымъ редакціямъ и переводамъ. Греческій подлинникъ изданъ Бирхомъ въ Auctarium codicis apocrypti Fabricii, fasc. I, p. 243—260. Происхожденіе греческ. апокрифа относятъ къ VI—IX. вѣку. Lücke, Einleitung in die Offenbarung des Johannes. 2. Ausg. I, 302—308.

книгъ отреченныхъ, разсказывалось, что Іоаннъ Богословъ взошелъ на гору Ѳаворскую и просилъ Господа научить его о второмъ пришествіи. Восхитилъ Іоанна облакъ свѣтлый съ горы, узрѣлъ онъ небо отверстое и видѣлъ книги лежащія: толщина ихъ ровно семь горъ, долготы ихъ умъ человѣческій не можетъ постигнуть [28]), «должина ихъ — горѣ очима зрѣти» [29]). Это именно:

Книга Голубиная,
Голубиная, лебединая,
Божественная книга, евангельская [30]);
На славную она выпала на Ѳаворъ гору.....
Въ долину книга сорока лакóть,
Въ ширину книга двадцати лакóть,
Вышины книга десять лакóть [31])!

Стихъ о Страшномъ Судѣ, вслѣдъ за апокрифическимъ «Откровеніемъ» передаетъ, что

Сходилъ съ небеси святый Іоаннъ Богословъ,
Въ тѣ поры сходилъ, какъ преобразился Господь
Предъ учениками, предъ апостолами;
Показалъ Господь Богъ намъ муку и рай,
Гдѣ праведнымъ быть, гдѣ грѣшнымъ рабамъ [32])?

«Откровеніе» разсказываетъ, что въ той книгѣ заключены были тайны бытія неба и преисподней и всякой вещи человѣческой [33]); въ ней писано было о всемъ, что *отъ вѣка* создано [34]), писано о всякомъ дыханіи небесномъ и человѣческомъ, правда и кривда, добро и зло [35]). И. Волотоманъ спрашиваетъ въ духовномъ стихѣ: кто

Прочелъ бы эту книгу Голубиную,
Сказалъ бы намъ про бѣлой свѣтъ,
Отъ чего начался у насъ бѣлой свѣтъ? [36]).

Охватывая все прошедшее, заключая въ себѣ «бытіе неба и земли»

---

[28]) Памятники отреч. русск. литературы II, 175.
[29]) Тамъ же II, 180.
[30]) Калѣки-перехожіе, II, 310, 323.
[31]) Варенцовъ, Русскіе духовные стихи, стр. 21. Калѣки II, 285, 287.
[32]) Калѣки V, 199.
[33]) Пам. отр. лит. II, 175.
[34]) Пам. отр. лит. II, 180.
[35]) Тамъ же, II, 183.
[36]) Калѣки II, 293.

эта необъятная книга хранитъ въ себѣ за семью печатями и таiны будущаго. Давидъ Евсѣевичъ, въ разбираемомъ стихѣ, разсказываетъ изъ нея «по памяти, про *старое* и про *стародавнее*» [37]). Въ апокрифическомъ «Откровеніи» гласъ Господень открываетъ «праведному Іоанну», лицу новозавѣтному, содержаніе послѣднихъ страницъ необъятной евангельской книги [38]).

Представленіе о Голубиной книгѣ сложилось подъ вліяніемъ христіанскихъ воззрѣній и византійской книжности. Г. Безсоновъ узазываетъ напротивъ въ книгѣ Волшана «бабушку Голубиной книги» [39]), выражая мнѣніе, что «книга Волота или Волшана есть созданіе *глубочайшей* языческой славянской древности: книги въ смыслѣ списковъ или стиховъ Іерусалимскихъ заняли изъ нея долю и вмѣстили въ себя многія древнія все-славянскія преданія, но уже съ отличіями воззрѣній христіанскихъ; Голубиная же книга, какъ извѣстный и опредѣленный стихъ, есть созданіе обособившейся и сложившейся Славяно-Руси, подъ вліяніемъ уже воспринятаго христіанства» [41]). Но 1) такъ называемые г. Безсоновымъ списки Іерусалимскіе никогда не упоминаютъ *ни о какой книгѣ*, лишены слѣдовательно всякой связи съ книгою Волшана, и нѣтъ *ни одного факта*, чтобы предполагать, что они «заняли изъ нея долю и вмѣстили въ себѣ многія всеславянскія преданія»; 2) Голубиную книгу, «созданіе *обособившейся* Славяно-Руси», Г. Безсоновъ сравниваетъ съ явленіемъ, въ одной *Болгарской* пѣснѣ, голубя, который вытрясъ бѣлое «*письмо*» (Вып. III, 615). Придавая Болгарскому слову *книга* значеніе всякаго *писанія*, издатель Калѣкъ Перехожихъ въ томъ простомъ мотивѣ, что голуби переносятъ письма, хочетъ видѣтъ объясненіе нашей Голубиной

---

[37]) Тамъ же II, 283. Сама книга распечаталась только относительно стараго, II, 270, 276, 283.

[38]) Память о связи Голубиной книги съ Іоанномъ Богословомъ уцѣлѣла въ пѣсняхъ Божіихъ людей:

Дайте книгу Родословъ,
Прочитаетъ Богословъ.

А. П. Обозрѣніе пермскаго раскола, 149. Въ раскольничьихъ тетрадкахъ часто упоминается «Книга соборная голубица, собою большая, содержитъ въ себѣ 170 книгъ, вѣсу пудъ 30 фунтовъ, запирается винтами, кроется тайно» Другіе говорятъ, что книга Голубиная бережется въ странѣ Іерусалимѣ. Калѣки I, 278.

[39]) Пѣсни, собранныя Рыбниковымъ I, 452.

[40]) Мы не считаемъ возможнымъ сближать Волота съ *Волшаномъ*, въ которомъ корень *волх.* указываетъ на позднѣйшее *волхвованіе*.

[41]) Калѣки II, 368.

книги. Эти отдаленныя сравненія заставили г. Безсонова предполагать въ представленіи о Голубиной книгѣ отголосокъ «отдаленнѣйшей языческой старины» и не замѣтить вліянія книжныхъ произведеній на разбираемый старшій стихъ.

Даже возвышенные чисто-христіанскіе идеалы, воплощавшіеся въ христіанскомъ искусствѣ и выраженные въ стихѣ о Голубиной книгѣ, г. Безсоновъ почитаетъ нужнымъ сопоставлять съ миѳическими образами Волота и его дочери. Въ стихѣ царь Давидъ говоритъ Волотоману [42]):

При *послѣднемъ* будетъ при *времени*,
При *восьмой* будетъ при *тысящи*,
Правда будетъ взята Богомъ съ земли на небо,
А кривда пойдетъ она по всей земли.....
Отъ того пойдетъ велико беззаконіе [43]).

Этому удаленію Правды съ земли на небо, предшествуетъ борьба Кривды съ Правдой. Народные стихи, различно передавая эту борьбу, согласны въ томъ, что Кривда остается, т. е. торжествуетъ, на землѣ [44]). Объ окончательномъ торжествѣ Правды надъ Кривдою, которое послѣдуетъ при второмъ пришествіи Христа на землю, царь Давидъ какъ будто не знаетъ. Но въ великой книгѣ, выпавшей на Ѳаворъ гору, изложена была, по словамъ греческаго апокрифическаго откровенія, судьба правды и кривды во время втораго пришествія. Будущее торжество Правды надъ Кривдою вѣрующій христіанинъ видѣлъ олицетвореннымъ на картинахъ Страшнаго Суда. Русскія изображенія этого великаго сюжета показывали, какъ «Правда Кривду стрѣляетъ и Кривда пала со страхомъ» [45]). Не на этомъ ли чистомъ христіанскомъ убѣжденіи основано было для вѣрующаго человѣка высокое значеніе картинъ Страшнаго Суда, къ которымъ любила обращаться мысль христіанина, взволновнаго земною кривдою — обращаться съ тѣмъ, чтобы созерцаніемъ идеальнаго будущаго, которое принесетъ съ собою торжество правды, подкрѣплять свою шаткую для добра волю и утѣшаться въ перенесеніи земной неправды? Средневѣковая хри-

---

[42]) Приводя мысль, что эта часть Голубиной книги «соотвѣтствуетъ въ стихахъ Іерусалимскихъ *сну Волота* и толкованію сна Давидомъ», г. Безсоновъ, вопреки тексту изданныхъ въ этомъ же выпускѣ стиховъ, говоритъ: «Здѣсь мѣсто *Волота, какъ и слѣдуетъ*, занялъ *сновa Владимиръ*» (II, 377).

[43]) Калѣки перехожіе II, 292.

[44]) Тамъ же, стр. 375 примѣчаніе.

[45]) Буслаевъ, Историческіе очерки народн. рус. слов. и искус. II, 151.

стіанская живопись и на западѣ едва ли можетъ указать сюжеты, пользовавшіеся такою огромной популярностью, какъ Страшный Судъ. Угнетенное населеніе любило обращаться къ этимъ изображеніямъ, на которыхъ видѣло осуществленною идею о господствѣ безусловной Правды, на которыхъ Неподкупный Судія взвѣшивалъ дѣянія каждаго «Мѣриломъ Праведнымъ». Стихъ о Голубиной книгѣ сберегъ воспоминаніе о важномъ моментѣ въ ист скаго наро а. о тяжело было начало восьмой тысячи лѣтъ. Большинство, настроенное чтеніемъ византійскихъ и русскихъ церковныхъ «писаній», которыя говорили, что съ истеченіемъ 7000 лѣтъ кончится міръ, съ трепетомъ ожидало появленія антихриста и полнаго господства кривды на землѣ. Государственныя событія, казалось, вторили общимъ ожиданіямъ. Старые города Новгородъ и Псковъ, въ началѣ XVI вѣка, теряли свои вольности, и почуялось имъ въ новыхъ Московскихъ порядкахъ начало антихристова царства. «У намѣстниковъ, а у ихъ тіуновъ, и у дьяковъ великаго князя *правда* ихъ, крестное цѣлованіе, взлетѣла на небо, и *кривда въ нихъ начала ходить*, и много было отъ нихъ зла»[46]). Въ этомъ чисто-христіанскомъ представленіи Кривды и Правды г. Безсоновъ видитъ позднѣйшее вырожденіе мноа о Соломонѣ и Соломонидѣ. «*Вмѣсто* ветхозавѣтнаго событія Соломона и Соломониды, говоритъ г. Безсоновъ, выработались на Руси Кривда съ Правдою, и не мирно сошлись онѣ, какъ Соломонъ съ суженой, а враждебно столкнулись. Сколько видно по уцѣлѣвшимъ древнимъ воззрѣніямъ, — это существа еще живыя; постепенно лишь выдѣляются они въ отвлеченно-нравственныя, и, какъ послѣдняя (и позднѣйшая) часть стиха Іерусалимскаго есть раскрытіе тайнъ бытія міра нравственнаго (о грѣхахъ), такъ и въ Голубиной книгѣ повѣсть о Кривдѣ и Правдѣ постоянно наростала и наростаетъ нравственными выводами и примѣненіями»[47]).

Книжныя произведенія древне-русской литературы могли бы доставить г. Безсонову весьма важныя и любопытныя объясненія къ стиху о Голубиной книгѣ. Напр. страфиль птицу стиха Г. Безсоновъ объясняетъ такъ: «Страфиль, въ разныхъ видахъ, греч. στρουθός, *страусъ*, въ другомъ славянскомъ образѣ—*Ногъ* или *Нога*, серб. *Ной*, птица, какъ у насъ въ старину толковалось, «великая, страховитая»; но какъ *Астраха*, сближается она съ серб.

---

[46]) Полн. собр. рус. лѣт. IV, 282 слѣд.

[47]) Калѣки II, 377.

яндрака, и то же, что *драконъ* (греч. δράκων отъ δέρκομαι). Вып. II, 369. Въ стихахъ о Голубиной книгѣ страфиль описывается слѣдующимъ образомъ:

Когда страфиль вострепещется,
Во второмъ часу послѣ полуночи,
Тогда запоютъ всѣ пѣтухи по всей земли,
Освѣтится въ тѣ поры вся земля.....
Держитъ бѣлый свѣтъ (*синее море*) подъ правымъ крыломъ [48]).

Въ статьѣ «О всей твари» читаемъ: е҃ть кꙋр҃ емꙋ же глава до небеси. а море до колена. е҆аже сл҃нце ѡ҆мываеⷮсѧ въ киѧ҆не тогда же акиѧ҆ⷩ въсколебаеⷮсѧ и҆ начнꙋⷮ волны кꙋра би҆ти по перью. онъ же ѡ҆чютивъ волны и҆ ре҃тъ кокорекꙋ. протолкꙋеⷮсѧ свѣтодаⷡче г҃и. даи҆же свѣⷮ ми҆рови҆. е҆аже то въспоеⷮ и҆ тогⷣа вси҆ кꙋри҆ воспоюⷮ во еди҃ гоⷣ по всеи҆ вселеннѣи҆ тогⷣаже сл҃нце ѡ҆мываеⷮ ѿ киѧна акиѧ҆ ѿ сл҃нца [49]). Здѣсь объясненіе, почему эта птица «топитъ корабли гостиные, со товарами драгоцѣнными»—объясненіе, которое не соотвѣтствуетъ и другому толкованію г. Безсонова, предложенному на 370 и 371 стр. втораго выпуска.

Стихи о Егоріѣ Храбромъ распадаются на два отдѣла: въ однихъ Егорій представляются избавителемъ царской дочери отъ змѣя, Побѣдоносцемъ, въ другихъ многострадальнымъ христотерпцомъ». Въ великорусскихъ стихахъ преобладаетъ послѣдній образъ:

Потому Ягарій свѣтъ прославился. —
Принималъ онъ муки, страсти разноличныя [50]).

Христіанская стихія этого отдѣла стиховъ объ Егоріѣ опредѣлилась греческимъ апокрифомъ о Георгіевомъ мученіи [51]). Въ разсказѣ о мукахъ, которыя безвредно переносить Егорій, стихъ буквально вѣренъ греческой статьѣ. Въ бѣлорусскомъ стихѣ о Егоріѣ

---

[48]) Калѣки II, 370.

[49]) Пам. отр. р. литер. II, 349.

[50]) Калѣки III, 403.

[51]) Славянскій переводъ *Георгіева мученія* напечатанъ въ Памятникахъ отр. рус. лит. II, 100—111. Греческій подлинникъ, съ выписками изъ него указанъ въ Lambecii, Commentarii IV, 291. Латинскій текстъ напечатанъ у Сурія, т. II, подъ 23 апр. Славянскій переводъ этой легенды извѣстенъ былъ на Руси въ XIV вѣкѣ: въ харатейной палеѣ Алекс.-Невск.-Лавры, составлявшей часть знаменитаго Сильвестровскаго сборника, есть изъ нея выдержка. Самый апокрифъ о Георгіевомъ мученіи запрещался уже индексомъ Геласія Credner, zur Geschichte des Kanons, s. 207.

сохранилось имя, которое отецъ его носитъ въ греческомъ апокрифѣ:

Мѣлъ себѣ отца тысячника,
Имя его Гераптій [52]).

Въ одномъ изъ великорусскихъ стиховъ объ Егоріѣ разсказывается слѣдующее:

Онъ пыталъ Егорья батожьемъ стегать,
Батожьемъ стегать все желѣзныимъ;
Не взяло Егорья батожьемъ стегать;
Батожья отъ Егорья всѣ переломалися,
Мастеровыя руки опущалися,
Ничего Егорьѣ тутъ не сдѣлалось.
Онъ пыталъ Егорья и колесомъ тереть,
Не взяло Егорья — колесомъ тереть:
Колѣсо все отъ Егорья извертѣлося,
Ничего Егорью тутъ не сдѣлалось [53]).

Приводя эти стихи, г. Безсоновъ замѣчаетъ: «Можно думать, что эти муки, которыхъ нѣтъ въ другихъ стихахъ, сняты съ русской жизни извѣстнаго времени» [54]). Издатель русскихъ стиховъ напрасно приписалъ эти муки «*русской* жизни извѣстнаго времени»; они пересказаны стихомъ со словъ греческаго апокрифа [55]). Сказанія о мученіяхъ, перенесенныхъ Георгіемъ, не принадлежатъ даже исключительно Византіи. Особенною популярностью пользуются эти сказанія на мусульманскомъ востокѣ. Магометане убѣждены, что отъ Іисуса Христа до Магомета не было ни одного пророка: въ этомъ *промежуточномъ*, по ихъ выраженію, періодѣ жили только люди благочестивые, между которыми первое мѣсто занимаетъ св. Георгій [56]). Ходятъ на востокѣ сказанія, что 40 разъ онъ былъ подвергаемъ сожженію въ Мусулѣ (по другимъ 70 разъ умерщвляемъ въ Ниневіи) и столько же разъ воскресалъ [57]). То же

---

[52]) Калѣки III, 744.

[53]) Калѣки перехожіе, I, 443.

[54]) Тамъ же.

[55]) Видѣв'же гл8бокы з'міи дадіа'нъ. ꙗ҃ не прикосн8ша҃ е'м8 моукы. повелѣ сотворити коло..... і' а'бие' коло скоро распадеса..... и҆ по .ѕ҃. м8жеи҆ биті и҆ по хреб'т8 батоги. Памят. отр. рус. лит. II, 105, 106.

[56]) Reinaud, Monuments arabes, persans et turcs du cabinet de M. le Duc de Blacas I, 184. Hottinger, Historia orientalis, 152.

[57]) Menzel, Christliche Symbolik, I, 330.

*

самое передается и въ греческомъ апокрифѣ, отразившемся въ русскомъ стихѣ о Егоріѣ: православная церковь, осуждая этотъ апокрифъ, учила, что «*единою* вси святіи умроша, по многихъ мукахъ». Потому трудно согласиться съ положеніемъ г. Безсонова, что въ стихахъ о Егоріѣ «торжествуютъ свѣтлые православные образы».

Мы не думаемъ отрицать національно-языческую основу въ стихахъ о Егоріѣ Храбромъ. Напротивъ, это смѣшеніе національно-языческихъ представленій съ вѣрованіями христіанскими составляетъ отличительный характеръ древнихъ нашихъ стиховъ. Мы хотимъ только указать, что *книжное* вліяніе Византіи напрасно не признано издателемъ Калѣкъ перехожихъ. Иноземныя апокрифическія сказанія [58]) о мученіяхъ, вынесенныхъ *христіанскимъ святымъ* Георгіемъ, нанесены въ русскихъ стихахъ о Егоріѣ на миѳическій образъ какого то святлаго стараго русскаго богатыря, который очищаетъ землю христіанскую, уничтожая господство на ней змѣиныхъ силъ.

Этимъ торжествомъ надъ нечистой змѣйной силою Егорій нашими стихами отождествляется или приводится въ связь [59]) съ Ѳеодоромъ Тирономъ, который, по сказанію одной отреченной греческой статьи, убилъ змѣя, заложившаго всѣ колодцы въ его родномъ городѣ [60]). Сказаніе о борьбѣ богатыря съ змѣемъ, задерживающимъ воду, очень обыкновенно и распространено въ миѳологіи всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Русскій стихъ о Ѳеодорѣ Тиронѣ сложился впрочемъ на основаніи греческой легенды, получившей книжную обработку; онъ вѣренъ этой легендѣ въ главныхъ подробностяхъ, за исключеніемъ разсказа о томъ, какъ Ѳеодора на возвратномъ пути топитъ кровь змѣиная. Но этотъ эпизодъ вставленъ въ стихъ о Ѳеодорѣ Тиронѣ вслѣдствіе смѣшенія его въ народномъ представленіи съ Егоріемъ [61]). Г. Безсоновъ

---

[58]) Г. Безсоновъ видитъ въ нашихъ «старшихъ» стихахъ «греко-русское православное творчество», между тѣмъ какъ сказанія, передавасмыя этими стихами, еще болѣе распространены на мусульманскомъ Востокѣ, чѣмъ въ Греціи, передавшей ихъ нашей литературѣ.

[59]) Болгарская легенда разсказываетъ что св. Георгій убилъ ту женщину, а Ѳедоръ Тиронъ ея сына, отъ которыхъ произошли на землѣ змѣи. Каровеловъ, Памятники народ. быта Болгаръ, стр. 299.

[60]) Памятн. отр. рус. литер. II, 96.

[61]) Калѣки перехожіе II, 419; III, 529, 535, 540, 556.

видитъ въ Ѳеодорѣ Тиронѣ «созданіе нашего творчества» [62]) и на основаніи этого стиха дѣлаетъ выводы о пріемахъ сего послѣдняго». Нельзя не остановиться на выводахъ о вопросѣ, столь интересномъ въ исторіи народнаго быта и поэзіи, какъ «пріемы народнаго русскаго творчества». Вотъ слова г. Безсонова: «Змѣй, унесши мать Тирона, отдалъ ее сосать своимъ змѣенышамъ, Зміюношамъ, именно *двоимъ*; по *ослышкѣ пѣвцовъ* творчество шагнуло къ *новому* образу и увѣряетъ:

Опъ и далъ сосать двоимъ юношамъ,
Двоимъ юношамъ, двоимъ змѣятушкамъ.....
Сосутъ ее двои юноши,
Двое юноши, двое змѣятушки.....
Зміюношамъ
Двоимъ юношамъ.

Но въ стихахъ поется, что змѣй унесъ мать Ѳедора «ко *двънадцати* змѣенышамъ, на муку на змѣиную» [63]), совершенно согласно съ словами книжной греческой легенды: *і 12 змѣй* великихъ остегнули ю (мать Ѳедора), і аспида мерская предъ нею старый змій сѣдяше [64]). Въ другихъ варіантахъ того же стиха, вмѣсто 12 змѣенышей, стоятъ *два* и слѣд. «шагъ народнаго русскаго творчества» ограничивается пока перемѣною 12 на два. Эти двое змѣятушки дѣйствительно называются иногда въ стихахъ *юношами*, но въ противуположность *старому* «змѣищу Горынищу» (Кал. III, 525) Г. Безсоновъ продолжаетъ: «Въ легендѣ, составившейся уже *обратно* по народнымъ сказаніямъ, и *отъ того* совершенно уже совпадающей съ народными стихами, ступили отсюда *еще далѣе:* Тиронъ, съ подвига своего, побѣдивши змѣя, возвращается съ матерью своею и *съ двема уношема*». Уже Востоковъ показалъ, что легенда, о которой говоритъ г. Безсоновъ, переведена съ греческаго [65]). Есть ли возможность думать, что эта греческая легенда составилась *обратно* по народнымъ русскимъ стихамъ и *отъ*

---

[62]) Пѣсни Рыбникова II, XCIII. Подвергаемъ разбору изложенные въ этой книгѣ выводы о Ѳедорѣ Тиронѣ, потому что г. Безсоновъ самъ отсылаетъ къ пѣснямъ Рыбникова читателей «Калѣкъ перехожихъ», говоря, что тамъ изложена «внутренняя исторія нашего творчества въ стихахъ». Кал. IV, с. V.

[63]) Калѣки III, 539.

[64]) Памят отр. р лит. II, 97.

[65]) Описаніе рукоп. Румянц. музеума, 696.

того совершенно съ ними совпадаетъ? Еслибъ мы могли признать такой процессъ составленія греческой легенды, то, конечно, увидѣли бы въ нашихъ стихахъ, вмѣстѣ съ г. Безсоновымъ, «творчество греко-русское». Но факты не допускаютъ такого заключенія, и намъ остается видѣть въ русскихъ стихахъ о Ѳедорѣ Тиронѣ только вліяніе *книжной греческой легенды*. Между тѣмъ изъ этой *греческой* статьи г. Безсоновъ дѣлаетъ выводы о пріемахъ *народнаго русскаго* творчества: въ двухъ юношахъ, съ которыми возвращается Ѳедоръ съ своего подвига, г. Безсоновъ видитъ шагъ отъ двоихъ юношей змѣенышей; въ легендѣ прямо сказано, что эти два юноши, съ которыми идетъ Ѳедоръ, были точно также похищены змѣемъ, какъ и Ѳедорова мать. Свои выводы г. Безсоновъ оканчиваетъ слѣдующими словами: «Еще шагъ — и, *конечно*, въ объясненіе юношей, творчество народное описываетъ явленіе Ѳедору «ангеловъ»: сравните, какое разстояніе отъ первоначальныхъ змѣенышей» [66]). Въ легендѣ сказано, что убитый Ѳедоромъ змѣй завалилъ собою выходъ изъ пещеры и по молитвѣ святаго Господь послалъ къ нему архангела Михаила, который и научилъ Ѳедора, какъ выдти изъ пещеры съ матерью и двумя юношами.

Такимъ образомъ на трехъ древнѣйшихъ русскихъ стихахъ, занимающихъ въ изданіи г. Безсонова второй и часть третьяго выпуска (стр. 269 — 558), сильно отразилось уже вліяніе книжныхъ греческихъ апокрифовъ, сказанія которыхъ переходили въ стихъ черезъ калѣкъ перехожихъ. Извѣстно, какое широкое развитіе имѣли подобныя апокрифическія писанія въ древней русской литературѣ.

Каноническія произведенія церковной литературы также находили себѣ доступъ въ стихи калѣкъ перехожихъ. Стихи о Страшномъ Судѣ принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ произведеній религіозной поэзіи русскаго народа. По преданію, греческій философъ принесъ Владиміру святому «запону, на нейже бѣ написано судище Господне, показываше ему одесну праведныя въ веселыи предъидуща въ рай, а ошюю грѣшники идуща въ муку» [67]). Преподобный Авраамій Смоленскій († 1221) написалъ двѣ иконы: «страшный судъ втораго пришествія» и «испытанія воздушныхъ мытарствъ». Авраамій любилъ читать «ученія преподобнаго Ефрема», писавшаго о второмъ пришествіи [68]). Живописныя

[66]) Пѣсни Рыбникова V, XCVII.

[67]) Полн. собр. рус. лѣт. I, 45.

[68]) Православн. Собесѣдникъ, 1858, сентябрь, 148, 142.

изображенія Страшнаго Суда стоятъ въ тѣсной связи съ стихами того же содержанія, коренятся на однихъ представленіяхъ. Въ стихахъ о Страшномъ Судѣ остались впрочемъ болѣе своеобразныя древнія воззрѣнія, которымъ, какъ смутнымъ отголоскамъ языческой миѳологіи, не могло быть мѣста въ церковной живописи. Въ народныхъ стихахъ сохранилось представленіе о мостѣ, который, по преданіямъ индо-европейскихъ народовъ, перекинутъ черезъ рѣку [69]), текущую передъ царствомъ блаженства. Въ стихахъ встрѣчается и другое сказаніе о способѣ перехода черезъ страшную огненную рѣку: праведныхъ перевозитъ черезъ нее къ пресвѣтлому раю Михаилъ архангелъ (въ сербскихъ пѣсняхъ Николай угодникъ). Масса византійскихъ сказаній о Страшномъ Судѣ и будущей жизни, составлявшихъ съ древнѣйшаго времени любимое чтеніе нашихъ предковъ, внесла свои образы и понятія въ русскіе стихи. Изображенія адскихъ мукъ, оставившія по лѣтописному преданію сильное впечатлѣніе въ душѣ Владиміра святаго, дѣйствовали неотразимо на воображеніе русскихъ людей: съ XII вѣка укоренился на Руси обычай заживо помнить себя за упокой [70]). Древніе помянники, синодики представляютъ энциклопедію тѣхъ важнѣйшихъ сказаній о загробной жизни, которыми засвидѣтельствована была высокая сила поминовенія церковнаго за душу усопшаго. Сказанія древнерусской литературы о загробной жизни, перешедшія въ духовный стихъ, встрѣчаются и въ синодикахъ [71]). Хожденія по аду и раю, «откровенія» и «видѣнія», обширный циклъ которыхъ передалъ былъ древней Россіи византійской литературою, оставили глубокій слѣдъ въ вѣрованіяхъ и поэзіи нашего народа [72]). Мрачный аскетизмъ византійской догмы, положившій рѣзкую печать на всю древнюю русскую жизнь, выразился въ этихъ сказаніяхъ особенно строго и опредѣленно. Не даромъ же ереси, поднимавшіяся въ старой Россіи протестомъ византійской теологіи, постоянно устремляли свои нападенія на проводившуюся ею догму о поминовеніяхъ, задушьѣ и будущей жизни: вспомнимъ стригольниковъ,

---

[69]) Калѣки V, 199. Мостъ испытанія извѣстенъ въ миѳологіи Персовъ, Индіи, Евреевъ.

[70]) Памятники рус. словъ XII вѣка, стр. 194.

[71]) Таковъ стихъ *о грѣшной рабѣ и ея праведной дочери* у Кирѣевскаго № 28, стр. 67.

[72]) Ср. статьи *Вопросы Іоанна Богослова на Еленской горѣ* (въ Пам. отр. р. лит. II, 197—212), *Хожденіе Богородицы и апостола Павла по мукамъ* (тамъ же) съ стихами *о Страшномъ судѣ*.

утверждавшихъ, что приносы за мертвыхъ не помогаютъ ихъ душамъ; вспомнимъ жидовствующихъ, изъ которыхъ многіе отрицали будущую жизнь, которые старались опровергнуть уважавшіяся православными сочиненія св. Ефрема о второмъ пришествіи. Іосифъ Волоколамскій долженъ былъ доказывать жидовствующимъ, что Богъ спасаетъ людей не только ради праведныхъ дѣлъ, совершенныхъ ими при жизни, но и по смерти спасаетъ ихъ «милостынями и священнодѣйствіемъ божественныхъ тайнъ», что «многіе люди получили милость по смерти молитвъ ради и приношенія божественныхъ таинствъ и милостыни къ нищимъ». Еретики, какъ бы желая подорвать вѣру въ сказанія, изъ которыхъ составлялись синодики, и которыя облекались въ формы стиха, возражали: «если это такъ, то всѣ спасутся и никто не погрѣшитъ» [73]). Не даромъ же, съ другой стороны, люди, которымъ дорога была русская православная старина, въ томъ видѣ, въ какомъ сложилась она на Руси подъ вліяніемъ Византіи къ концу XVI вѣка, не даромъ же старовѣры, которымъ въ сближеніи Россіи съ европейскимъ западомъ обнаружились признаки скораго появленія антихриста, съ жаромъ схватились за этотъ обширный отдѣлъ древне-русской книжной и народной литературы и завѣтныя представленія о концѣ міра и послѣднемъ судѣ стали развивать въ своей старовѣрческой средѣ подъ вліяніемъ кипѣвшей у нихъ борьбы съ Никоніанцами. Большой Іосифовскій соборникъ совмѣстилъ въ себѣ важнѣйшія произведенія древней литературы, которыми опредѣлилась большая часть подробностей въ стихахъ о Страшномъ Судѣ: 1) *Слово Палладія мниха о второмъ пришествіи и о будущей муцѣ*, 2) *Ипполита, папы римскаго, о скончаніи міра и о антихристѣ*, 3) *Кирилла александрійскаго о исходѣ души изъ тѣла*. Старовѣры XVII вѣка, оцѣнивая совершавшіяся во очію «новизны» воззрѣніями и вѣрованіями отходившей «православной» старины, желали быть непричастны настоящему, бѣжать отъ антихристова духа въ горы и вертепы; безгосударнымъ противникамъ новаго открывался одинъ путь къ жизни — «странствованіе, оземствованіе». Идеалъ древняго аскетизма, мощно поддержанный крутыми относительно раскольниковъ мѣрами правительства, возникалъ съ новой силой въ стихахъ, окрашиваясь протестомъ «народившейся нечистой прелести»:

Самъ Господь пустыню похваляетъ,
Отцы въ пустынѣ скитаютъ,
Ангели отцемъ помогаютъ....

[73]) Просвѣтитель, 193, 195, 197.

Стихи о великихъ подвижникахъ аскетизма Іоасафѣ, царевичѣ индѣйскомъ, Алексѣѣ, Божіемъ человѣкѣ, дѣлались для старовѣровъ драгоцѣннымъ литературнымъ достояніемъ, въ которомъ нашли себѣ выраженіе лучшіе ихъ идеалы, въ которомъ выставлялся имъ образецъ для подражанія. Въ словѣ Палладія инока Господь обращался къ праведнымъ съ словами, которыя почти буквально повторяются въ стихахъ *о пустынѣ, Іоасафѣ, Страшномъ Судѣ:* «Азъ вамъ дамъ сторицею богатство нетлѣнное во вѣки; вы мене ради *въ пустыняхъ и дебряхъ, въ горахъ, и пещерахъ, и въ пропастехъ земныхъ* жисте и нынѣ со ангелы моими имате жити, и небрегосте міра онаго сласти и попрасте и отбѣгосте и ни во чтоже вмѣнисте пѣсни мірскія, и лики, и гусли, и свирѣли»[74]). Краіиніе и фанатическіе противники «еретическихъ новизнъ» не мечтали найти спокойствіе даже въ горахъ и вертепахъ; злой антихристъ

Своихъ судей посылаетъ,
Свои письма разсылаетъ
По селамъ и по деревнямъ
По прекраснымъ пустынямъ.

Имъ оставалось одно средство спастись отъ «змія седмиглава» — добровольная мученическая смерть:

Вы бѣгите въ горы, во вертепы,
Вы поставьте тамъ костры большіе,
Положите въ нихъ сѣры горючей,
Свои тѣлеса вы *сожгите* [75]).

Въ стихѣ морельщиковъ поется:

Умирайте, мои свѣты,
За крестъ святой, за молитву,

---

[74]) Изъ множества относящихся сюда мѣстъ въ духовныхъ стихахъ приводимъ для сравненія съ выпискою изъ *Слова Палладія инока* слѣдующее:

Въ горахъ, въ вертепахъ, во пустыняхъ
Вы меня не нахождали;
Во темныхъ темницахъ
Вы меня, Господа, не просвѣщали;
Дьявольскія помышленія
Вы завсегда помышляли;
Вы въ гусли, во свирѣли играли,
Скакали, плясали,
Все ради его, ради дьявола.
Калѣки V, 129—130.

[75]) Варенцовъ, Сборникъ стиховъ, стр. 184.

За свою браду честную,
За мою вѣру Христову [76]).

И здѣсь испуганному воображенію враговъ новаго рисовались священные образы мучениковъ Георгія и Кирика. Послѣднихъ жгли огнемъ —

Святой Егорій посередь огня стоитъ,
Онъ поетъ стихи херувимскіе [77]).

Младенца Кирика сажали въ «котелъ съ огнемъ, смолой, оловомъ,

Разжигали жаромъ-огнемъ-пламенемъ;

но святой младенецъ оставался невредимъ и вопіялъ:

Велика наша вѣра крещеная,
Великъ нашъ христіанскій Богъ [78]).

Вспоминалась проповѣдникамъ самосожигательства и другая старая легенда—стиха «*О женѣ милосердой*»: Богоматерь, гонимая жидами, отдаетъ Христа на руки милосливой женѣ, которая бросаетъ своего сына въ печь. Жиды пропали, убѣдившись, что Христосъ сгорѣлъ:

По божьему-суду-изволенію,
Во пламп травушка выростала,
Лазоревы цвѣты разцвѣтаютъ,
Молоденецъ по печи гуляетъ [79]).

Старовѣры узнавали въ старыхъ стихахъ собственные свои идеалы и вѣрованія и берегли ихъ въ своихъ тетрадкахъ, въ своей пѣсни. Изъ раскольничьихъ рукописей много можно извлечь *старыхъ* народныхъ стиховъ; православными они рѣдко записывались. Нѣкоторые старые стихи у старовѣровъ, во всѣхъ ихъ подраздѣленіяхъ, дополнены уже впослѣдствіи вставками сектантскаго характера [80]); но вообще *старовѣры* хранятъ стихи въ ихъ сложившейся прежде формѣ: ибо и сами они представляютъ только туго развивающіеся остатки православной русской старины. Мы не можемъ принять безъ нѣкоторыхъ ограниченій слѣдующихъ словъ

---

[76]) Тамъ же, стр. 197.

[77]) Калѣки II, 424.

[78]) Варенцовъ, Сборникъ, 77—86.

[79]) Калѣки IV, 123.

[80]) Ср. у Варенцова, стр. 174, вставку въ стихѣ о *Милосливой женѣ*:

«Ты скажи мою волю всѣмъ моимъ людямъ,
Чтобы ради меня они въ огонь жидались».

г. Безсонова: «При всемъ различіи нашего раскола, реформатскіе и протестантскіе стихи, дѣлясь на множество видовъ по безконечнымъ дробленіямъ раздѣляющихся вѣрованій, въ общемъ тонѣ этого отрицанія, дѣленія и дробленія, сходны съ нашими раскольничьими стихами, глубоко-отличными отъ чисто-народныхъ, *ибо чисто-народные всѣ сопричислялись и сопричисляются лику церкви православной*» (Вып. IV, с. XI). Но расколъ [81]) обращенъ къ прошедшему и больше озабоченъ храненіемъ его, нежели созданіемъ новаго, своего; реформація обращена была къ будущему. Расколъ мало создалъ стиховъ; онъ довольствуется старыми или немногими къ нимъ дополненіями. Стихи, очень распространенные у раскольниковъ и, можетъ быть, возникшіе между ними, самъ г. Безсоновъ не отличаетъ въ своемъ изданіи отъ православныхъ. Таковъ напр. стихъ *Чюдная царице Богородице!* Въ немъ между прочимъ читаемъ:

Аще ли, человѣче, хощеши получити царьства небеснаго,
Отрекися, человѣче, міра сего прелеснаго,
Иди въ пустыню дальнюю,
И постригися въ ризы черныя,
Призывай себѣ Бога на помощь,
Или (если?) хощеши *претерпѣти до конца*, —
И ты наслѣдникъ будеши царства небеснаго.
. . . . . .
Приходятъ времена послѣднія [82]).

Пѣсня объ осадѣ Соловецкаго монастыря помѣщена г. Безсоновымъ между «старшими былевыми стихами», съ примѣчаніемъ, что это «стихъ уже чисто-народный» [83]), хотя она возникла, очевидно, между старовѣрами. Мистическіе стихи временъ реформаціи можно сравнить съ нашими стихами Божіихъ людей и другихъ «духовныхъ» христіянъ, происхожденіе которыхъ, по нашему мнѣнію, относится къ XIV вѣку: ибо въ стригольникахъ мы видимъ секту, соотвѣтствующую западнымъ *хлыстамъ* (Geissler). Но духовные христіяне, мистики, подготовлявшіе и сопровождавшіе реформацію, представляютъ полную, рѣшительную противоположность *старо-*

---

[81]) Мы разумѣемъ здѣсь «старовѣровъ», не смѣшивая ихъ съ глубоко противоположными имъ сектами Божіихъ людей и др., о которыхъ скажемъ ниже.

[82]) Калѣки V, 138, 139, 141.

[83]) Калѣки II, 678.

обрядству, и это различіе ясно звучитъ въ религіозной поэзіи Божіихъ людей и раскольниковъ. У послѣднихъ нельзя же отнять столь честно хранимые ими «православные» стихи; пѣсни Божіихъ людей дѣйствительно «не сопричислялись лику православной церкви».

III. «*По исторіи* стихи младшіе моложе своимъ появленіемъ, и обязаны *всего болѣе XVII вѣку*, юго-западу Руси, *тамошнимъ* школамъ и ихъ вліянію, тогда какъ *старшіе* большею частію сложились у Великой Руси и притомъ со временъ отдаленнѣйшихъ».

XVII вѣкъ былъ временемъ процвѣтанія легендарныхъ *стихотвореній* на Руси. Католическія легенды запада начинаютъ въ эту пору переходить въ русскій духовный стихъ. Такъ напечатанный П. В. Кирѣевскимъ *стихъ о грѣшной матери* основанъ весь на разсказѣ обширнаго сборника западныхъ легендъ, переведеннаго у насъ въ XVII вѣкѣ и извѣстнаго подъ именемъ *Великаго Зерцала*. Этотъ стихъ самъ указываетъ на свой источникъ:

Писано было въ Зеркалѣ, книгѣ Божьей [84]).

Иногда посредствующимъ звѣнамъ, связывавшимъ литературу XVII вѣка съ народными стихами, были лубошныя картины, на которыхъ въ лицахъ и съ приличнымъ текстомъ изображалась легенда. Сильный отпечатокъ литературныхъ пріемовъ XVII вѣка лежитъ на многихъ стихахъ, отнесенныхъ г. Безсоновымъ къ числу стиховъ старшихъ. Такъ *стихъ объ Іосифѣ прекрасномъ* (напечатанный въ Калѣкахъ Перехожихъ I, 184 — 186) почти совершенно совпадаетъ съ текстомъ лубошной картины, представляющей «Исторію Іосифа прекраснаго»: неправильное употребленіе въ стихѣ славянскихъ оборотовъ прямо указываетъ на вліяніе книжника XVII в.[86]). Стихи *объ Алексѣѣ Божіемъ человѣкѣ* ясно обнаруживаютъ свой книжный источникъ.

---

[84]) Кирѣевскій, Русскіе народн. стихи (изд. въ Чтеніяхъ) № XXIX.

[85]) Нѣкоторыя главы *Зерцала*, между прочимъ и глава *о грѣшной матери*, находятся на лубочныхъ картинахъ.

[86]) Для сравненія съ стихомъ привожу начало текста лубочной исторіи: «Блаженъ еси Иякове, имелъ еси сыновъ, юнейшаго любилъ еси Іосифа прекраснаго Іосифъ же седя отцову старость утешая и старешшая его братья на горахъ овцы посоша Ияковъ же посла Иосифа братию посетить Осифъ же поидоше къ братьемъ своимъ пищу имъ понесоша. Іосиоъ же миръ братия сказаше, братия же его подхватиша, начаша нежалостно бити и въ ровъ глубокъ ввергоша его и ризу съ него совлекоша, советъ себе сотвориша, козла в стаде зарезаша и ризу иосиеуву окровениша».

[87]) Калѣки I, 143, 151.

Житье Олексіево во книгахъ [87]),

говоритъ слагатель этого стиха, и сличая послѣдній съ житіемъ, и притомъ не съ тѣмъ, которое часто встрѣчается въ нашихъ древнихъ рукописяхъ, а съ переведеннымъ изъ Метафраста же Арсеніемъ Грекомъ и напечатаннымъ въ «Аѳологіонѣ» 1669 года, мы видимъ, что нѣкоторые стихи представляютъ не болѣе какъ переложеніе этого житія, удерживающее даже цѣлые славянскіе обороты и фразы своего подлинника. Напр.:

Красота въ лицѣ его потребишася,
Очи его погубишася,
А зрѣнье помрачишася [88]).

Или:

Деймонъ врагъ вознепавистовалъ,
Зубами злыми воскрежеташе,
Хотѣлъ погубить его терпѣніе [89]).

Отнесши этотъ стихъ къ «старшимъ былинамъ», г. Безсоновъ не обратилъ вниманія на его книжный источникъ XVII вѣка,—источникъ, который указалъ бы издателю возможность объяснить безъ всякой натяжки слѣдующее испорченное мѣсто стиха:

Князь Ефимьянъ идетъ ему на встрѣчу,
Со многими князьями, со боярами,
Со великимъ со крѣменствомъ.

Г. Безсоновъ толкуетъ послѣднее слово такъ: «Сплою, толпою провожатыхъ горожанъ (отъ *кремникъ*, Burg)» [90]). Это просто ослышка записывавшаго стихъ или ошибка пѣвца, который не понялъ книжнаго слова. Въ житіи Аѳологіона: «Срѣте отца своего, иже прихождаше отъ палаты со многимъ *клеврετствомъ*».

Также вѣренъ книжному житію стихъ о святителѣ Николаѣ и Агриковомъ сынѣ Василіи (Кал. III, 559—576). Трудно указать въ нихъ какія-нибудь «истинно-народныя и творческія черты». Тѣми же книжными пріемами XVII вѣка отличаются стихи о Борисѣ и Глѣбѣ: они переполнены изуродованными, для слѣпыхъ пѣвцовъ

---

[88]) Аѳологіонъ: потребися красота лица его, зрѣніе помрачися, плоть изше, очи воглубишася.

[89]) Аѳо. Видя же человѣконенавидецъ и завистный демонъ терпѣніе его дивное, скрежеташе зубы и сѣя ему лютыя и великія брани да сотворитъ ему погубити терпѣніе.

[90]) Калѣки I, 105.

непонятными, славянскими выраженіями. Г. Безсоновъ самъ объясняетъ нѣкоторыя темныя мѣста этихъ стиховъ тѣмъ, что «предшественники нынѣшнихъ слѣпцовъ, отъ коихъ перенятъ стихъ, ошибочно прочли *въ рукописи*»[91]). Мы объясняемъ себѣ это обстоятельство нѣсколько иначе. Въ XVII вѣкѣ, на сѣверѣ и югѣ Россіи, любили перелагать въ стихотворную форму книжныя легенды. Эти стихотворныя переложенія житій святыхъ, съ развитіемъ явившейся въ XVII вѣкѣ придворной поэзіи, съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ удаленіемъ подражательной литературы образованнаго высшаго класса отъ словесности народной, спустились, вмѣстѣ съ огромною массою другихъ литературныхъ произведеній XVII вѣка, въ низшій классъ народа. Приверженцамъ и питомцамъ Петровской реформы смѣшна была сбитая съ поля литература XVII столѣтія, которая однако̀ такъ тѣсно связана съ литературою прошлаго вѣка. Сумароковъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на остававшіяся въ народномъ обращеніи повѣсти XVII вѣка о Бовѣ и Петрѣ Златыхъ ключахъ; Кантемиръ осмѣивалъ тѣхъ, которые въ стихахъ «*житія святыхъ* по азбукѣ водятъ». Отверженныя образованнымъ меньшинствомъ, стихотворныя передѣлки житій святыхъ сдѣлались достояніемъ простаго народа, слѣпыхъ пѣвцовъ, и только такимъ образомъ можно объяснить вовсе несходные съ простотою и силою народнаго эпоса пріемы, часто напыщенно-высокопарныя сравненія и множество славянскихъ выраженій, которыми переполнены стихи о Борисѣ и Глѣбѣ, нѣкоторые объ Алексѣѣ Божіемъ человѣкѣ, и Іосифѣ прекрасномъ.

Перехода книжныхъ произведеній XVII вѣка въ собственность слѣпыхъ пѣвцовъ не отрицаетъ г. Безсоновъ; онъ только ограничиваетъ его стихами «младшими» т. е. псальмами. Но эти канты и псальмы, иногда сбрасывающія свою неуклюжую схоластическую одежду и переходящія въ народный стихъ, эти тяжелыя вирши школъ и придворной поэзіи XVII вѣка враждебны и народной поэзіи вообще и древне-русской литературѣ въ частности. Юго-западные выходцы, эти «иностранные иноки, ересей вводители» (какъ выразился Нероновъ), положили на Руси, въ XVII в., начало придворному стихотворству, преобладающимъ выраженіемъ котораго была похвальная ода. Канты католической Польши вошли въ моду между образованными жителями Москвы въ XVII в. Этотъ фактъ засвидѣтельствованъ Полоцкимъ, который писалъ похвальныя и бла-

[91]) Тамъ же III, 638, 654, 663, 657.

[92]) Напр. Вып. III. 759, 767, 776; IV, 108, 109, 114, 115, 158.

годарственныя оды своимъ знатнымъ милостивцамъ, иногда такъ, что стихи русскіе чередовались съ польскими: придворнымъ XVII в. хорошо былъ извѣстенъ польскій языкъ. Силлабическое стихотворство сдѣлалось въ XVII в. любимой формой литературной, въ которую влагалась, какъ и въ Польшѣ конца XVI в., самое разнообразное содержаніе, отъ наставленій христіанской жизни до календаря. Въ литературѣ русской XVII вѣка оказалось раздвоеніе: люди новаго образованія, высшій классъ, имѣли своимъ органомъ похвальную оду, мистерію и другія формы литературы, занесенныя изъ Польши, съ юга и юго-запада Россіи; старовѣры и низшій классъ народа остались при заповѣдныхъ формахъ древней и народной литературы, дополненныхъ съ теченіемъ времени переводами западныхъ средневѣковыхъ повѣстей и народныхъ книгъ.

Бо́льшая часть 4-го и 5-го выпуска «Калѣкъ Перехожихъ» наполнена силлабическими виршами XVII вѣка, не имѣющими никакого отношенія къ народнымъ русскимъ стихамъ. *Нѣкоторыя*, весьма немногія изъ нихъ, перешедшія въ народный стихъ, имѣли право занять мѣсто въ «Калѣкахъ Перехожихъ»; другія же неимѣютъ ничего общаго съ стихами. Мѣсяцесловъ [93]) въ силлабическихъ стихахъ стоитъ внѣ всякой связи съ народными русскими стихами, и трудно объяснить себѣ причину, заставившую издателя внести его въ свой сборникъ. По видимому, для г. Безсонова служило при этомъ мотивомъ только то обстоятельство, что эти вирши берутъ содержаніе религіозное. Въ своемъ сборникѣ духовныхъ русскихъ стиховъ издатель печатаетъ вирши на такія темы, которыхъ народъ никогда не касался въ своихъ стихахъ. Читателю становится трудно составить себѣ понятіе о томъ, на какихъ событіяхъ и лицахъ христіанской исторіи останавливалась религіозная поэзія русскаго народа, какой христіанскій идеалъ господствуетъ въ его духовныхъ стихахъ. Вирши, предложенныя г. Безсоновымъ въ «Калѣкахъ Перехожихъ», имѣютъ несомнѣнный интересъ для изслѣдователей нашей литературной исторіи XVII вѣка, но въ сферѣ искусственной, не народной, а школьной и придворной лирики. Похвальныхъ стихотвореній Алексѣю человѣку Божію, въ родѣ напечатаннаго г. Безсоновымъ въ III вып., стр. 743, очень много въ Ριθмологіонѣ Симеона Полоцкаго, который писалъ подобныя піэсы постоянно къ тезоименитству царя Алексѣя Михайловича. Если эти вирши граничатъ съ похвальными одами, то нѣкоторыя изъ напе-

[93]) Калѣки III, 800—824.

чатанныхъ въ сборникѣ духовныхъ русскихъ стиховъ кантовъ должны быть прямо отнесены къ похвальнымъ одамъ XVII вѣка. Таковъ наприм. «младшій стихъ» объ Іоаннѣ Богословѣ, начинающійся словами:

Кінми тя пѣсньми имамъ восхвалити,
Тезоименне, святче благодати? (III, 721).

Если обращать вниманіе только на содержаніе стихотвореній, то придется помѣстить въ сборникѣ народныхъ стиховъ духовныя оды прошлаго вѣка. Именно этимъ побужденіемъ руководствовался иногда г. Безсоновъ, составляя свой сборникъ стиховъ. Такъ онъ печатаетъ въ немъ какія-то стихотворныя піэсы новаго склада *объ Алéксандрѣ Невскомъ*, *Михаилѣ и Θедорѣ Черниговскихъ*, *Петрѣ митрополитѣ* [94]), замѣчая, что эти «*стихи* носятъ большею частію *слѣды* позднѣйшей обдѣлки книжкой и позднѣйшаго склада: но какъ древнѣйшихъ первообразовъ ихъ покуда мы не имѣемъ, а между тѣмъ *событія воспѣваются древнія*, посему и то, что есть, мы помѣщаемъ въ числѣ стиховъ былевыхъ *старшихъ*, съ этой необходимой оговоркою» [95]). Къ сожалѣнію указаній на «древнѣйшіе первообразы» этихъ стихотвореній не существуетъ, и съ большею вѣроятностію слѣдуетъ предположить, что эти сюжеты не были затронуты народнымъ стихомъ.

Такимъ образомъ бóльшая часть стиховъ, помѣщенныхъ издателемъ подъ рубрикою «старшихъ», не подходитъ подъ то опредѣленіе ихъ, которое предложилъ г. Безсоновъ. Обращая болѣе вниманія на *содержаніе* стиховъ, нежели на ихъ происхожденіе и исторію, г. Безсоновъ подъ тою же рубрикою «старшихъ міровыхъ стиховъ» помѣщаетъ, рядомъ съ стихомъ о Голубиной книгѣ, *Евангелистую пѣснь* съ риѳмами и полонизмами (Королюостъ, I, 379), признавая самъ польское ея происхожденіе (I, 390).

Стихи болгарскіе и сербскіе, и даже книжныя пѣсни изъ сербской «Катавасіи», внесены въ «Калѣкъ перехожихъ», хотя они ни-

---

[94]) Въ этихъ стихотвореніяхъ находимъ такія фразы: «Ты посѣй на нашу Русь, Счастье многое!» «Но забылся народъ Русскій, Въ счастіи живя». «Возвратившись со войны, Во иноки онъ пошелъ, Онъ за святость своей жизни Угодникомъ Бога сталъ». «Ругаются святынѣ раскольники поганы! О жаль, о жаль, что церкви святой Руси погибаютъ: Святыхъ мужей, поповъ безбожники ругаютъ». Калѣки III, 669, 670, 671. Во второй піэсѣ по возможности соблюдена риѳма.

[95]) Тамъ же, 669.

чего не объясняютъ въ исторіи народныхъ русскихъ стиховъ и почти всѣ касаются такого содержанія, которое даже и не могло войти въ наши стихи [96]).

Сводя разсѣянныя замѣчанія о духовныхъ стихахъ, мы должны признать въ нихъ сильное вліяніе книжной литературы, «передѣлку книжныхъ легендъ», или «подражаніе», что̀ г. Безсоновъ ставилъ отличительнымъ свойствомъ западныхъ неправославныхъ стиховъ. Выдѣляя изъ сборника г. Безсонова непринадлежащіе къ циклу народныхъ русскихъ стиховъ вирши и псальмы, народныя пѣсни недуховнаго содержанія [97]), многочисленные и большею частію неочень разнообразные варіанты одного и того же стиха [98]), убѣдимся, что великорусскій народъ стихами не богаче неправославныхъ Нѣмцевъ, у которыхъ, по словамъ г. Безсонова, «по древнимъ рукописямъ и старопечатнымъ книгамъ, на языкѣ, уже непонятномъ для новыхъ временъ, ученымъ удалось сыскать ихъ на три слишкомъ вѣка до трехъ сотенъ; десятокъ-другой уцѣлѣлъ тамъ и сямъ въ забросѣ нынѣ» (вып. IV, стр. X).

Можетъ быть, обѣщанное г. Безсоновымъ изслѣдованіе о русскихъ стихахъ разъяснитъ нѣкоторыя недоумѣнія, возбужденныя въ насъ его сборникомъ. Во всякомъ случаѣ, обиліе собраннаго издателемъ «Калѣкъ Перехожихъ» матеріала доставляетъ г. Безсонову полное право на искреннюю благодарность ученыхъ, посвятившихъ свои силы изученію русской народности, къ которой съ такою любовію относится составитель разбираемаго сборника.

Переходя къ вопросу о томъ, какъ изданы г. Безсоновымъ тексты стиховъ, мы должны замѣтить, что записанные со словъ и сообщенные издателю «Калѣкъ Перехожихъ» стихи, въ отношеніи къ исправности текста, лежатъ на отвѣтственности записавшихъ. Имена Кирѣевскаго, Якушкина, Рыбникова, Отто, отъ которыхъ перешла къ г. Безсонову бо̀льшая часть стиховъ, записанныхъ со словъ, ручаются, что эта трудная задача исполнена названными собирателями со всевозможною добросовѣстностью и опытностью. Г. Безсоновъ, съ своей стороны, относился съ полнымъ уваженіемъ къ тексту сообщенныхъ ему или заимствованныхъ имъ изъ другихъ сборниковъ стиховъ, не рѣшаясь вносить

---

[96]) Таковы стихи III, 578, 581, 598, 601, 614, 618, 790, 791, 792.

[97]) О Васильѣ и Сафьюшкѣ III, 697—717. Дочь тысячника III, 720.

[98]) Нѣкоторые стихи напечатаны г. Безсоновымъ по двадцати и болѣе варіантовъ.

или предлагать поправки даже и тамъ, гдѣ ошибка записывавшаго была очевидна [99]).

Но отдавая полную справедливость тому уваженію, которое г. Безсоновъ оказывалъ къ тексту сообщенныхъ ему стиховъ, не можемъ не остановиться на особенномъ пріемѣ г. Безсонова при изданіи стиховъ сектантскихъ. Духовный стихъ, выдѣляясь изъ общей сферы поэтическихъ сокровищъ русскаго народа и переходя въ узкій кружокъ секты, часто теряетъ свой первоначальный характеръ, проникается воззрѣніями секты, которая имъ овладѣваетъ, и часто перелицовается въ искусственныя формы сектантской лирики. Искусственность въ отдѣлкѣ формы, удаляющая стихъ отъ народнаго склада, всего болѣе господствуетъ въ пѣсняхъ «Божіихъ людей», въ пѣсняхъ, употребляющихъ риѳму. Г. Безсоновъ далъ въ своемъ сборникѣ мѣсто нѣсколькимъ стихамъ «Божіихъ людей», не оговорившись, что это—стихи секты, и даже выбросивши изъ стиха все то, въ чемъ выражаются сектантскія воззрѣнія. Такъ на стр. 249 IV выпуска напечатанъ извѣстный стихъ *о трехъ древахъ*, но въ томъ видѣ, какъ онъ поется Божьими людьми. Вторая половина этого стиха [100]), въ которой передается, съ сектантской точки

---

[99]) Такъ изъ сборника г. Варенцова взяты г. Безсоновымъ, въ варіаты, слѣдующіе стихи:

Ужь вы ой еси, души, души грѣшныя!
Жили вы были на вольномъ свѣту — . . .
Поздо говѣнье все ложью сцитали.

Послѣдній стихъ, очевидно, нужно читать:

Постъ да говѣнье и т. д.

Но г. Безсоновъ оставилъ стихъ безъ поправки, замѣтивши: «*позднее говѣнье* во время поста». Калѣки V, 164.

[100]) Приводимъ ее по тексту, сообщенному намъ И. М. Добротворскимъ отъ котораго получилъ стихи «Божьихъ людей» и г. Безсоновъ.

Возставала изъ гроба Богородица,
Подавала людямъ Божьимъ рубашечки,
Кроила Божьимъ людямъ полотенчики,
Свивала людямъ Божьимъ святы жгутики;
Возставалъ изъ гроба Іоаннъ Предтечь,
Становилъ онъ людей Божьихъ во единый кругъ.
Во единый кругъ, на радѣніе,
На радѣніе, на послушаніе;
Воспѣвалъ онъ пѣсни архангельски,
Онъ скакалъ игралъ по Давыдову.
Возставалъ изъ гроба самъ Іисусъ Христосъ;

зрѣнія, «радѣніе» Божьихъ людей, у г. Безсонова не напечатана; замѣчено только, что «окончаніе стиха относится къ другимъ особымъ». Съ подобнымъ же пропускомъ и тою же оговоркою издана у г. Безсонова и другая пѣсня Божьихъ людей (IV, 245 — 246), безъ примѣчанія, что отрывокъ принадлежитъ упомянутой сектѣ, хотя въ немъ и осталось указаніе на то, въ словахъ: «Искупителя, свѣта *батюшку* [101]) (стр. 245). Два стиха *о преданіи Христа Іудою* напечатаны г. Безсоновымъ также безъ объясненія [102]), что въ этомъ видѣ они поются у Божьихъ людей, хотя уже рѳма, строго проведенная по обоимъ стихамъ, указываетъ на принадлежность ихъ искусственной поэзіи секты. Мы предпочли бы исключить изъ сборника эти пѣсни, нежели печатать ихъ въ томъ видѣ, который можетъ ввести неприготовленнаго читателя въ заблужденіе относительно ихъ истиннаго значенія. Кто будетъ въ стихахъ *о преданіи Христа Іудою* видѣть аллегорическій пересказъ скопцевъ (Божьихъ людей) о своихъ лжехристахъ? Напечатанныя безъ всякихъ оговорокъ, на ряду съ народными стихами, пѣсни Божьихъ людей бросаютъ ложный свѣтъ на первые, теряя въ то же время и свой собственный мистическій смыслъ и колоритъ. Съ этой точки зрѣнія, мы не считаемъ также полезнымъ вводить, *безъ особыхъ оговорокъ*

Во святомъ кругу всѣ свѣчи затеплились.
Сокатилъ съ небеси батюшка Духъ Святой,
Сокатилъ онъ на людей Божихъ,
Походилъ въ людяхъ Божіихъ самъ Богъ Саваоѳъ,
Поскакалъ въ людяхъ Божіихъ самъ Іусусъ Христосъ,
Сопускалъ на нихъ Царь Небесный благодать свою,
Осѣнялъ Царь Небесный ихъ покровомъ своимъ,
Ходилъ съ ними Царь Небесный во святомъ во кругу.

101) Опущено:

На золотомъ престолѣ тамъ Христосъ сидитъ
Призываетъ онъ къ себѣ дѣтушекъ,
Говоритъ имъ слова привѣтныя:
«Ай вы ну-тека, други, порадѣйте-ка,
Золотыя коренья не стопывайте,
Серебряны вѣточки не обломывайте,
Бумажные листочки не осыпливайте!
Ай вы нуте-ка, други, порадѣйте-ка,
Меня, Христа Бога, поутѣшьте-ка,
Мою матерь Богородицу порадуйте:
Освѣчу я васъ, други, золотыми лучами,
Я сошлю вамъ, други, съ небесъ Духъ святой.

102) Калѣки IV, 196, 197.

въ такъ называемые «сводные» стихи духоборческихъ варіантовъ, на которыхъ лежитъ рѣзкій отпечатокъ секты [103]).

Не имѣя возможности провѣрить тѣми же рукописями, которыми пользовался г. Безсоновъ, текстъ извлеченныхъ имъ оттуда народныхъ стиховъ и виршей, ограничимся немногими въ этомъ отношеніи замѣчаніями.

Канты *о горѣ Почаевской* [104]), напечатанныя г. Безсоновымъ по испорченнымъ рукописямъ, издатель могъ бы обнародовать по исправному тексту этихъ «пѣсней», напечатанному въ книгѣ Гора̀ почаѐвска̀. Почаевъ. 1803. Въ изданіи г. Безсонова, эти канты потеряли колоритъ нарѣчія, на которомъ написаны, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пострадало значеніе словъ. Напр.:

у г. Безсонова:	въ «Горѣ Почаевской»:
На которо̀й монастиръ давный.	На котрой монастирь давный.
Небесныя силы, зрѣлося, дивили.	Небесныя силы зѣло ся дивили.
Въ вевторокъ рано бляму облегли.	Въ вѣвторокъ рано браму облегли.

и т. д.

Стихи, напечатанные по рукописи Румянцовскаго музеума, у г. Безсонова часто отступаютъ отъ подлиннаго ея текста. Стихъ *объ Алексѣѣ Божіемъ человѣкѣ*, въ «Калѣкахъ Перехожихъ» перебитъ, потому что издатель не обратилъ вниманія на предостереженіе писца (выраженное обычнымъ «зри»), что листы рукописи, по его оплошности, спутаны, и 39-й листъ долженъ предшествовать 36-му. Чтобы возстановить въ изданіи г. Безсонова послѣдовательность разсказа, нужно послѣ его 84 стиха помѣстить стихи 106—127, а послѣ 127 стиха должны слѣдовать стихи 85—105. Въ томъ же стихѣ отмѣтимъ слѣдующія отступленія сборника отъ текста рукописи: У г. Безсонова: Ходили въ соборъ Богу молиться, *Молитися* Богу со слезами; въ рукописи: *Молылися* Богу.... У г. Безсонова: Создай ты мнѣ дѣтище *единое*.... Создалъ ему дѣтище *единоя*; въ рукоп.: *единая*. У г. Безсонова: *При старости*, князю на призрѣніе; [105]); въ рукоп.: *при старосте*. Въ стихѣ *объ Іосифѣ прекрасномъ*, напечатанномъ по той же рукописи, у г. Безсо-

[103]) Въ сводномъ стихѣ о Голубиной книгѣ г Безсоновъ помѣстилъ наприм. слова: *Бѣлый свѣтъ отъ сердца Его* (II, 354), взятыя изъ духоборческаго стиха (II, 340) и выражающихъ собою одно изъ главныхъ положеній секты, что духовное просвѣщеніе исходитъ отъ сердца Божія.

[104]) Калѣки III, 680—690.

[105]) Калѣки I, 111.

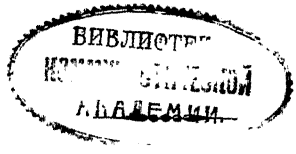
нова встрѣчается цѣлая строка (Царскій ему жезлъ вручаютъ, I, 198), которой въ рукописи нѣтъ. Въ томъ же стихѣ г. Безсоновъ печатаетъ: Мирно житіе *проваждаютъ*, въ рукописи: *проожидаютъ*.

Въ стихѣ, напечатанномъ подъ № 367 (IV, 190), издатель сгладилъ характеристическую смѣсь неправильнаго церковно-славянскаго стиля съ народнымъ русскимъ языкомъ. Такъ г. Безсоновъ печатаетъ: Ведетъ Христа къ судищи,.... Предъ жидовы лицемѣры, Предъ *всѣми іереи* со Іюден, Предъ *Понтійскимъ Пилатомъ*; въ рукоп.: Предъ всѣми, *со іереи*, со Іюден, Предъ *понтійстемъ пилате*. У г. Безсонова: Тростію по главѣ біяху,... И мимо Его *хождаху*, Въ лице святое *плеваху*, Ему Христу *поругашася*; въ рук.: *біяше, хождаше, плеваше, поругашеся*. Г. Безсоновъ: Того еси, Матп, *невѣдаешь, Моя смерть*—животъ вѣчный, вмѣсто рукописнаго: Того еси, Матп, *не вѣдаешь, Моя, Матп, смерть* — животъ вѣчный.

Подобныя же отступленія встрѣчаются и въ стихѣ *о вѣчной жизни* (V, 253). У г. Безсонова: *Отселъ идешь въ вѣкъ нескончаемый*; въ рук.: *Во онъ вѣкъ отселъ идешь нескончаемый*. У г. Безсонова: Сотвори дѣла *достойны покаянія*; въ рук.: *достойно*.

Наконецъ въ стихѣ № 503 (V, 195) у г. Безсонова: *Разбойники* пойдутъ..., въ рук.: *разбойницы*; у г. Безсонова: въ смолу *горячую*, въ рук.: *горящую*; у г. Безсонова: Возретъ назадъ *къ краю* свѣтлому, въ рук.: *къ раю*, и проч.

Признавая однако, что изданіе г. Безсонова, по богатству стиховъ, превосходитъ всѣ досель обнародованные сборники этихъ произведеній, я полагалъ бы справедливымъ признать трудъ г. Безсонова «Калѣки Перехожіе» достойнымъ почетнаго отзыва.



(Извлечено изъ XXXIII присужденій Демидовскихъ наградъ.)